

MILHIST

INFO

Пенской В.В., Пенская Т.М. «Смоленщины» начала XVI века

В статье комплексно рассматривается история упорной борьбы Русского государства с Литвой и Польшей за присоединение Смоленска в начале XVI в., которая увенчалась успехом в 1514 г. после трех осад города.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/02/25/penskoy-penskaya_3

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В., Пенская Т.М. «Смоленщины» начала XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2015. - Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. – С. 35-93
<http://www.milhist.info/2015/02/25/penskoy-penskaya_3> (25.02.2015)

www.milhist.info

2015

В. В. Пенской, Т. М. Пенская

«СМОЛЕНЩИНЫ» начала XVI века

Борьба за Смоленск была одной из самых ярких страниц в истории 200-летней войны между Россией и Великим княжеством Литовским, а затем пришедшей ему на смену в 1569 г. Речью Посполитой. Это и немудрено. Город по праву именовался «ключом Москвы», но вместе с тем точно также мог называться и «ключом Вильно». Отечественный историк Т. П. Мальцев по этому поводу писал в свое время, что *«для Москвы овладение Смоленском открывало широкие возможности военного и торгового продвижения как на юг — по Днепру в земли Северскую и Киевскую, так и на запад — по Западной Двине в землю Полоцкую»*. Взяв Смоленск, московские государи делали чрезвычайно важный, если не самый важный, шаг на пути собирания под власть Калитичей «наследства Ярослава Мудрого». Для Литвы же утрата Смоленска неизбежно означало угрозу ускорения распада государственности и поглощения по частям неуклонно усиливающимся восточным соседом¹. Естественно, что при таком раскладе «смоленский вопрос» в отношениях России и Литвы приобретал особую значимость для обоих государств. Обе стороны полагали для себя делом чести обладание Смоленском и *«Смоленской землей»*. Потому отнюдь не случайно московские послы весной 1504 г. в ходе переговоров о заключении «Вечного мира» заявили, что прочному миру между двумя государствами не бывать до тех пор, пока под властью литовских князей будут оставаться *«вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города...»*,

которые, по мнению московских дипломатов, «с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»². Обращает на себя внимание тот факт, что московские послы поставили Смоленск на второе место после «матери городов русских»! Точно также литовские дипломаты позднее, уже после того, как город перешел в русские руки, полагали, что между Русским государством и Литовским «без отданья Смоленска никак миру вечного не дельвати»³.

Когда и как завязался смоленский «узелок»? Как получилось так, что одно из сильнейших русских удельных княжеств первой половины XIII в., благополучно избежавшее печальной участи Владимирского, Черниговского, Киевского и других, разгромленных и опустошенных татаро-монголами, не сумело устоять перед экспансией Литвы? Вернемся для этого в 30-е гг. XIII в., в самый канун Батыевого нашествия. К концу 20-х гг. XIII столетия Смоленское княжество и правившая в нем династия Ростиславичей по праву могли считаться если не самыми могущественными, то, во всяком случае, одними из сильнейших и влиятельнейших в Русской земле⁴. Однако с началом в 1228 г. нового, самого ожесточенного и разрушительного, витка княжеских усобиц в южной Руси, Ростиславичи, активно подключившиеся к ней, не только не добились сколько-нибудь серьезных успехов, но понесли серьезные потери и стремительно теряли весь политический, военный и экономический потенциал, накопленный в предыдущие десятилетия. «Накануне Батыева нашествия смоленские Ростиславичи выступают в ходе феодалной войны на Юге Руси как второстепенные политические фигуры», — отмечал А. А. Горский⁵. Смоленские князья уже не в силах вмешиваться в дела южнорусских княжеств, перестали оказывать влияние на события в Новгороде и Полоцке, падает и экономическая значимость Смоленска. Подтверждением этого может служить такой красноречивый факт: в середине — второй половине XIII в. прекратили свое существование 108 укрепленных поселений Смоленской земли, или 69% от общего количества, при этом лишь в 42 из них жизнь восстановилась к концу века или началу следующего столетия. Для сравнения — во Владимиро-Суздальской земле, в отличие от Смоленской разоренной и опустошенной Батыевым нашествием, погибло 32 поселения из 73, а спустя полстолетия было восстановлено и заново отстроено 40⁶. К концу XIII в. княжество обладает лишь тенью былого могущества и с трудом отбивается от своих соседей.

Рубеж XIII–XIV вв. ознаменовался княжеской междоусобицей в Смоленской земле, результатом которой стало ее дальнейшее ослабление и утрата Можайска, который в 1303 г. был захвачен московским князем Юрием Даниловичем. Тем временем к западу от Смоленщины набирало силы Литовское княжество. Смоленский князь Иван Александрович, правивший в 1313–1359 гг., опасаясь повторения ордынского набега 1340 г. и дальнейшего усиления московского влияния, пошел на сближение с Литвой и признал себя *«молодшим братом»* великого литовского князя Гедимина.

Конечно, не все в Смоленске были сторонниками союза с Литвой, и во главе противной партии встал сын князя Василий, искавший поддержки в Москве. Раздорами в княжеском семействе воспользовались оба соседа. В 1351 г. московский князь Семен Иванович предпринял поход на Смоленск, но до войны дело не дошло, стороны сумели договориться, надо полагать — на московских условиях, поскольку спустя четыре года уже великий князь литовский Ольгерд напал на Ивана Александровича и отнял у него Ржев с волостью. Затем литовский князь двинулся на сам Смоленск, вынудив Ивана удалить Василия. Оказавшись между двумя жерновами, Иван Александрович сменил ориентацию с пролитовской на промосковскую.

Его сын, энергичный Святослав Иванович (1359–1386 гг.) большую часть своего княжения провел в неустанной борьбе за сохранение независимости Смоленщины в равной степени и от Москвы, и от Литвы. Но было слишком поздно, чтобы что-либо изменить. Ольгерд, набравший немалую силу, к исходу 1360-х гг., по существу, обложил Смоленск с трех сторон, внимательно наблюдая за политической борьбой в городе и непрестанно вмешиваясь в нее. Для него и его преемника Витовта Смоленск был не только удобным плацдармом для организации наступления на Москву, отношения с которой с 40-х гг. XIV в. у Гедиминовичей медленно, но неумолимо портились, пока дело не дошло до открытой конфронтации, но и важным шагом на пути собирания русских земель под властью великих литовских князей. Судьба Смоленска была предрешена, особенно если учесть, что московские князья, сконцентрировав внимание на удержании ярлыка на Великое Владимирское княжение и собирании северо-восточных русских земель под своей властью, отказались от противодействия поглощению

Смоленщины литовцами. В отчаянном усилии переломить неблагоприятный для него и его династии ход событий, Святослав в 1386 г., рассчитывая на продолжение в Литве вражды между двоюродными братьями, Витовтом и Ягайло, попытался вернуть себе Мстиславль, главный город Посожья. Однако Витовт со своим двоюродным братом Скиргайло явились под Мстиславль и в ожесточенной битве разгромили смоленские полки. Святослав пал в битве вместе со множеством князей и бояр смоленских.

Не теряя времени даром, торжествующие братья прибыли под валы Смоленска и продиктовали горожанам свои условия мира — уплатить окуп и посадить князем сына убитого Святослава Юрия, женатого на дочери старшей сестры Скиргайло. Кроме того, новый князь обязывался, по словам П. В. Голубовского, *«быть всегда верным Ягелле, королю польскому, великому князю литовскому и русскому и иных земель господарю; никогда не отступать от него ни при каких обстоятельствах; помогать ему во всех военных предприятиях, а если по каким-либо обстоятельствам или в силу болезни ему самому лично это сделать будет невозможно, то он должен послать своего сына; ни с полочанами, ни с Андреем полоцким обязывается не заключать мира, не иметь с ним никаких дипломатических сношений; все, что успели смольняне захватить во время войны, т.е., села и волости, он должен был возвратить назад»*⁷.

Выбора у проигравших не было, и они были вынуждены согласиться. Однако Юрий, оправившись от ран, полученных в сражении, попытался порвать эту ставшую удушающей зависимость от Литвы. Но Витовт не позволил ему этого сделать. В 1392 г., явившись с войском под Смоленск, он заставил Юрия покинуть смоленский стол, заменив не оправдавшего оказанного ему доверия смоленского князя на его брата Глеба. Когда же и Глеб стал перечить воле властного литвина, Витовт в 1395 г. снова подошел к городу и обманом овладел им. Смоленские князья были пленены, а вместо них посажены литовские наместники. Правда, страшное поражение Витовта на Ворскле в 1399 г. привело к тому, что в 1401 г. Юрий, опираясь на помощь своего тестя, рязанского князя Олега Ивановича, вернулся в родной город. Сторонники пролитовской ориентации хотя и подверглись репрессиям и казням, не были намерены складывать оружие и вступили в тайные сношения

с Витовтом. Последний не был намерен так просто отказываться от своих завоеваний и после тщательной подготовки весной 1404 г. осадил Смоленск с большой ратью и артиллерией. Город был подвергнут мощному обстрелу, его окрестности безжалостно опустошены, но смоляне устояли, и Витовт был вынужден отойти. Юрий поспешил в Москву за помощью.

Увы, московский великий князь Василий Дмитриевич, женатый на дочери Витовта Софье, оказав смоленскому князю все возможные знаки внимания, тем не менее, мягко, но недвусмысленно отказался поддерживать Юрия. Тем временем, пока Юрия не было в городе, сторонники Литвы подняли голову. Смоленские бояре известили литовского князя о том, что Юрий в Москве и Витовт не заставил себя долго ждать. *«Смольняне, обессиленные продолжительной непрерывной борьбой, голодом и болезнями, отворили ворота литовскому князю. Витовт въехал в город. В четверг 26-го июня 1404 года окончилась самостоятельная политическая жизнь Смоленской земли»*⁸.

Не сразу смоляне согласились с новой властью, несмотря на то, что Витовт, железной рукой начав свое правление в Смоленске, тем не менее, выдал его жителям *«привилей»*, утверждавший определенные права и свободы. В 1440 г. в городе вспыхнуло восстание, угрожавшее расколом Литовского княжества. После его подавления великий литовский князь Казимир и наследовавшие ему Александр и Сигизмунд I приложили немало усилий для того, чтобы не допустить повторения событий 1440 г. и как можно прочнее привязать к Литве Смоленск. Надо отметить, что им это удалось. Как отмечал российский историк М. М. Кром, *«жители городов Литовской Руси, в том числе Смоленска, дорожили своими правами (добытыми в упорной борьбе с литовскими властями. — В.П., Т.П.) и в рамках политической и правовой системы Великого княжества добивались их подтверждения и расширения»*⁹. Отстаивая эти доставшиеся дорогой ценой привилегии, смоляне отнюдь не собирались менять сюзерена, став надежным литовским оплотом на восточной границе княжества, передовым форпостом и ключевым пунктом во всей системе обороны владений Гедиминовичей на *«московской» «украине»*. Как отмечал русский историк М. К. Любавский, *«Смоленск сделался центром военного округа, выставлявшего передовую рать против самого главного врага*

Литовско-Русского государства — Москвы, а его наместник главным начальником этого округа, политическим агентом и уполномоченным великого князя в области, наполненной разными неблагонадежными политическими элементами...»¹⁰.

Это качество Смоленска наглядно проявилось в ходе первой пограничной войны между Москвой и Вильно в 1486–1494 гг. Так, зимой 1492/1493 гг. на службу Ивану III *«отъехал»* князь Семен Федорович Воротынский, по дороге *«засевший» «на великого князя имя»* пограничные литовские городки Серпейск и Мезецк. Узнав об этом, смоленский наместник Юрий Глебович предпринял ответные меры. Смоленский окольный Иван Кошка напал на людей Воротынского, которые со своими домочадцами, слугами и *«животами»* ехали на Москву, и взял их в полон, посадив под замок в Смоленске. Сам же Юрий Глебович вместе с князем Семеном Можайским *«со многими людьми войною»* *прошлись по отпавшим было волостям, захватили («иззасел») обратно и Серпейск, и Мезецк, «волости выжгли и выграбили, и людей многих до смерти побили, а иных в полон повели...»¹¹.*

Ответного хода Ивана III ждать долго не пришлось. 29 января 1493 г. в поход на государевых врагов выступила соединенная московско-рязанская рать, в которую, помимо государевых полков, ведомых девятью воеводами и Семена Воротынского со товарищи, вошли также рязанские полки великого рязанского князя Ивана Васильевича, которыми командовал воевода Инька Измайлов, и удельного рязанского князя Федора Васильевича *«со многими людьми»¹².*

Поход москвичей и рязанцев увенчался полным успехом. Согласно летописям, *«смоленский же воевода пан Юрий Глебович и князь Семен Иванович Можасково, слышав рать силну великого князя идуща противу их, и в граде посадиша князеи и панов многих во осаде, а сами оубоявшись и побегоша к Смоленскоу»*. Подступившие было к Мезецку московско-рязанские полки были встречены тамошними посадскими людьми, открывшими ворота и повязавшими посаженного в городе смоленского окольного Кривца *«и иных многих князеи и панов, Литвы и смолян»*. Приведя жителей Мезецка к *«целованию за великого князя»*, союзная рать двинулась дальше, к Серпейску, который оказал московским и рязанским воинникам упорное сопротивление, *«воеводы же великого князя повеле воем мужествене приступати ко граду*

с пушками и с пищалми». Приступ увенчался успехом, Серпейск пал. Гарнизон городка был частью перебит, частью попал в плен вместе с оставленным Глебовичем руководить обороной Серпейска смоленским же боярином Иваном Плюсковым. Сам же Серпейск был разграблен и сожжен, а немногие его уцелевшие жители целовали крест великому князю. Следующим на очереди был Опаков, которая ожидала та же печальная судьба. *«И тако възвратишась, — писал летописец, — а Литвою и смолян, сидящих в осаде, и градских болиших людей приведоша на Москву, а всех их 500 и 30 человек; и князь велики Иван Васильевич посла их в заточение по своим градом»*¹³. Отметим также, что, согласно разрядным записям, в марте 1492 г. Иван III посылал (или намеревался послать, как полагал В.Н. Темушев¹⁴) четырехполковую рать (пять воевод, 1–1,5 тысяч ратных людей) непосредственно на Смоленск — точнее, исходя из численности войска, разорить его окрестности¹⁵.

Таким образом, с конца XV в. Смоленск и смоляне были втянуты в оказавшийся столь длительным конфликт между двумя восточно-европейскими государствами. Исключительная стратегическая важность города неизбежно должна была повлечь за собой ожесточенную борьбу Москвы и Вильно за право владеть Смоленском. В ходе пограничной войны 1486–1494 гг. владения Ивана III вплотную подошли к границам собственно Смоленщины — передовой рубеж литовской обороны был к началу XVI в. прорван, и город оказался на переднем крае противостояния. После потери Великим княжеством Литовским земель в верховьях Оки, Угры и Жиздры Смоленск оказывался следующим на очереди. Однако Иван III, политик осторожный и неторопливый, долго выжидал, прежде чем приступить к решению смоленского вопроса.

Прежде чем перейти к описанию борьбы Москвы и Вильно за Смоленск в начале XVI в., несколько слов об историографии проблемы и источниках. Взятие Смоленска — событие, вне всякого сомнения, чрезвычайно важное, и потому оно не было обойдено вниманием как отечественных, так и польских историков. Правда, здесь необходимо отметить, что внимание это сконцентрировано прежде всего на событиях первой Смоленской войны 1512–1522 гг., тогда как более ранние события смоленской истории по-прежнему остаются

малоизученными. Из отечественных историков, к примеру, прелюдией «смоленского взятия» занимался отчасти М. М. Кром в своем исследовании о русско-литовском пограничье конца XV — начала XVI вв.¹⁶, а также Ю. Г. Алексеев¹⁷. Некоторые подробности, касающиеся участия смолян в пограничной войне 1486–1494 гг., сообщает В. Н. Темушев¹⁸. Походу сына Ивана III Дмитрия Жилки на Смоленск в 1502 г. посвящена недавняя статья автора этих строк¹⁹.

Такая историографическая ситуация вполне объяснима — при всей значимости этих событий Смоленск был взят не Иваном III, а его сыном Василием, которому потребовалось для этого организовать три серьёзных похода с участием большей части тех сил, которыми располагал к тому времени великий князь московский. Понятно, что и история собственно «смоленского взятия» 1512–1514 гг. давно служила предметом пристального внимания историков. Историография этой проблемы заслуживает отдельного исследования, здесь же мы отметим, что из дореволюционных российских историков наиболее полный и по многим позициям не утративший своего научного значения до сих пор труд написал Е. И. Кашпровский. Он широко использовал как материалы русских летописей и разрядных книг, так и сведения, сохранившиеся в польских хрониках, переписке Сигизмунда I и дипломатических документах того времени²⁰. Правда, отметим, что собственно военная составляющая «смоленского взятия» им была проанализирована в меньшей степени, чем дипломатическая и политическая история этой страницы русско-литовских отношений. Среди советских историков первое место в изучении смоленской эпопеи Василия III принадлежит, безусловно, А. А. Зимину²¹.

Из современных отечественных исследователей немалое внимание боевым действиям в 1514 г. уделили упоминавшийся уже нами выше М. М. Кром, В. А. Волков и в особенности А. Н. Лобин²². Правда, во всех этих работах кампании 1512–1514 гг. либо служат своего рода иллюстрацией основного тезиса, который обосновывается в исследовании (М. М. Кром), либо же рассматриваются в общем контексте русско-литовской войны 1512–1522 гг. Поэтому описание трех осад Смоленска выглядит или достаточно кратким, или сводящимся к пересказу источников, причем главным образом с русской стороны, без попыток глубокого их анализа (В. А. Волков).

Неравномерность в освещении различных страниц истории «смоленского взятия» связана во многом не только с субъективной расстановкой акцентов исследователей, но и с состоянием источников. В общем и целом, отечественные источники, из которых можно почерпнуть необходимые для реконструкции картины событий конца XV — начала XVI вв., можно четко разделить на три основные группы: разрядные записи, летописные свидетельства и дипломатическая переписка. Правда, ценность их неравнозначна. Сами подлинники «смоленских разрядов» не сохранились, а в том, что они существовали, нет сомнений — в описи царского архива 70-х гг. XVI в. есть упоминание о них²³. Официальный же «Государев разряд» впервые был составлен около 1556 г. и, следовательно, как справедливо писал Ю.В. Анхимюк, «Государев разряд» с записями по крайней мере за XVI в. составлялся задним числом»²⁴, со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно полноты и точности внесенной в него информации. Частные разрядные книги, по мнению того же исследователя, выступая в качестве своего рода местнического справочника, появились скорее всего после первой редакции «Государева разряда»²⁵. Во всяком случае, если они выступали именно как такого рода справочники, то их появление может быть отнесено самое раннее ко второй трети XVI в., когда во времена «боярского правления» местничество расцветает пышным цветом. В результате, что официальные разряды, что частные разрядные книги — все они дают лишь самое общее представление о смоленской кампании 1502 г.²⁶ Записи эти непременно нужно сверять с летописными свидетельствами и показаниями, взятыми из других источников — например, той же самой дипломатической переписки.

Увы, немногим более информативны и русские летописи, хотя бывают приятные исключения из общего правила. Так, если взять поход 1502 г., то в большинстве летописных списков известия об этой кампании очень кратки — сын великого князя Дмитрий Иванович «землю Литовскую повоевав и попленив, града Смоленска не взял, понеже крепок бе»²⁷. Правда, в некоторых летописях содержатся указания на даты «отпуска» Дмитрия Ивановича с ратью к Смоленску и его возвращения в Москву, что позволяет уточнить хронологию похода²⁸. Особняком стоит рассказ о кампании 1502 г. на смоленском направлении в Типографской летописи, где не только приводятся сведения

о характере боевых действий под городом, но и о составе русской рати, о проблемах с дисциплиной в войске Дмитрия Ивановича и о погодных условиях летом-осенью 1502 г. Это важная информация, проливающая свет на причины неудачи предпринятой воеводами Ивана III попытки взять Смоленск²⁹. Точно также, при общей «скромности» летописных рассказов о смоленской эпопее Василия III, поход 1514 г. явно выделяется в лучшую сторону, благодаря дошедшей до нас настоящей повести о падении Смоленска летом этого года³⁰.

Наконец, в посольских книгах, в особенности содержащих материалы сношений Ивана III и Василия III с крымскими «царями», также можно отыскать любопытные сведения относительно «смоленской эпопеи». К примеру, из переписки Ивана III и Менгли-Гирея I можно узнать об отправке Дмитрия Ивановича к Смоленску в 1502 г., мерах, предпринимаемых великим литовским князем для отражения вторжения московских полков, действиях русских войск под Смоленском и в его окрестностях³¹.

Известия с «той» стороны, к сожалению, менее информативны, чем русские, к тому же разрознены, разбросаны по разным местам и не дают целостной картины происходивших вокруг Смоленска событий. Так, если говорить о первой осаде Смоленска в 1502 г., то польские хроники (Б. Ваповского, М. Меховского, М. Кромера и более позднее, — М. Бельского и М. Стрыйковского) весьма лаконичны и немногословны в описании событий³². На этом фоне в лучшую сторону своей относительной обстоятельностью выделяется т.н. «Хроника Быховца»³³. Нельзя не упомянуть также переписку великого князя Александра Казимировича, из которой можно почерпнуть немало любопытных сведений относительно того, как развивалась кампания 1502 г.³⁴

Точно также обстоят дела и с тремя осадами Смоленска Василием III. Польские и литовско-русские хроники не слишком словоохотливы в своем рассказе о происходившем в 1512–1514 гг.³⁵, потому тем больший интерес представляет переписка Сигизмунда I с крымским ханом Мухаммед-Гиреем I и первыми лицами Польского королевства и Великого княжества Литовского³⁴.

В общем, подводя итог краткому анализу источников, можно с уверенностью сказать, что все не так уж и плохо. Сведения с русской и с польско-литовской сторон, собранные вместе, позволяют

составить довольно четкое представление о планах русского командования и примерном наряде сил, выделенных для осады и взятия Смоленска, о контрмерах литовцев, и о ходе всех четырех кампаний, начиная с 1502 г. и заканчивая 1514 г.

Характерной чертой политики Ивана III были неторопливость, обстоятельность и осторожность. Московский государь предпочитал действовать наверняка, долго и основательно подготавливая очередной свой шаг, и делал его не раньше, чем был уверен в успехе. Похоже, что эта модель, успешно срабатывавшая во всех начинаниях Ивана, в случае со Смоленском дала сбой. Началось все весной 1500 г., когда Иван III удовлетворил челобитье двух пограничных северских князей Семена Можайского и Василия Шемячича о переходе их на службу русскому московскому великому князю «и с вотчинами». Посланный на помощь челобитчикам московский воевода Яков Захарьич Кошкин «со многими людьми» с налета взял Брянск³⁷, после чего направился к югу, во владения мятежных князей, привел их к присяге на верность новому господину и вместе с ними взял Путивль³⁸. Другая русская рать под началом брата Якова Захарьича Юрия двинулась на Дорогобуж, который вскоре тоже был взят.

Так внезапно и успешно для Москвы началась очередная русско-литовская война. Обеспокоенный успехами русских войск, великий князь литовский Александр Казимирович «посла на Юрия Захарьича воевод своих, многих панов и гетманов, со многими людьми». Под Дорогобужем, на реке Ведроши, состоялась встреча литовского войска во главе с гетманом князем К.И. Острожским, полков Юрия Захарьича и прибывшего к нему на помощь с «тверскою силою» воеводы великого князя Д. В. Щени³⁹. Битва закончилась полным разгромом литовского войска, пленением самого гетмана и многих литовских начальных людей и рядовых воинов 14 июля 1500 г.⁴⁰ Говоря о значении этой битвы, имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн в своих записках о пребывании в Московии отмечал, что «одним сражением и за один год москвит (Иван III. — В.П., Т.П.) достиг того, чего великий князь литовский Витольд добивался в течение многих лет и с превеликими усилиями»⁴¹. Похоже, эта победа оказалась столь неожиданной и оглушительной, что Иван III растерялся. Он никак не ожидал, что рейд Юрия Захарьича приведет к такому серьезному успеху,

и не был готов немедленно послать свои полки на Смоленск, фактически лишенный защиты. Великий князь литовский Александр, узнав о поражении князя Острожского, отступил в Полоцк, где и простоял всю осень 1500 г., ремонтируя его укрепления⁴². Возможно, Иван, зная о мощи смоленских укреплений, решил действовать наверняка, основательно подготовиться к удару по городу.

К сожалению, мы слабо представляем, какой была Смоленская крепость в начале XVI в. Изображений того времени не сохранилось, равно как и остатков валов и стен, полноценные же археологические раскопки в условиях плотной городской застройки затруднены. Неудивительно, что автор последнего исследования по истории Смоленской крепости, Н.В. Сапожников, с горечью отмечал, что *«в настоящее время нет никаких археологических данных, позволяющих судить о системе обороны крепости. Ничего, по существу, не могут дать и графические источники XVII в., поэтому для реконструкции системы вооружения крепости приходится пользоваться немногочисленными письменными данными...»*⁴³. Немногочисленные же письменные источники не дают точного описания Смоленской крепости, ограничиваясь общими словами. Так, Иоасафовская летопись отмечала, что Смоленск *«град же имеа твердость, стремнинами гор и холмов высоких же затворено и стенами великими укреплено...»*⁴⁴. Польский писатель М. Меховской в своем трактате «О двух Сарматиях», увидевшем свет спустя несколько лет после падения Смоленска, был еще более краток: *«замок и город Смоленск, выстроенный из дуба и защищенный глубокими рвами»*⁴⁵. Немногое к этому описанию добавляет имперский дипломат С. Герберштейн, неоднократно бывавший в России в те годы. По его словам, Смоленск *«имеет на том берегу (Днепра. — В.П., Т.П.) к востоку деревянную («дубовую», как следует из латинского текста записок имперца. — В.П., Т.П.) крепость... Эта крепость, там, где она простирается в направлении холма — ибо с другой стороны она омывается Борисфеном (Днепром. — В.П., Т.П.), — укреплена рвами, сверх того острыми кольями (надо полагать, речь идет о палисаде поверх крепостного вала. — В.П., Т.П.), которые защищают от нападения врагов»*⁴⁶. Есть и другое, весьма любопытное свидетельство С. Гурского, секретаря королевы Боны, второй жены Сигизмунда I. Описывая по горячим следам укрепления Смоленска, он отмечал, что город —

неприступная крепость «благодаря самой реке, болотам, а также человеческому искусству, стенам из дубовых бревен, сложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и обмазанных ею снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а сами укрепления не могут быть разбиты ни огнем пушек, ни таранами, и невозможно устроить под них подкопы, чтобы разрушить или сжечь с помощью мин, огня или серы»⁴⁷. Наконец, анонимный немецкий автор, сообщая о предпринятой в 1513 г. осаде Смоленска, писал, что «крепость не имела каменной стены, но только была окружена дубовыми загородками, наполненными очень толсто для сопротивления камнями и землею; через эти перегородки не проникло ни одно ядро»⁴⁸.

Сопоставив эти свидетельства с материалами археологических раскопок, можно попытаться в общих чертах представить, какой же была смоленская крепость в самом начале XVI в. Судя по всему, она состояла из двух основных частей: «Старого города» (в литовских документах того времени — «замка», в русских — «Старого большого города») и так называемого «Пятницкого острога» (видимо, именно его русские документы именовали «Земляным городом»). «Старый большой город», как следует из его названия, был старейшей и наиболее укрепленной частью Смоленска. С напольной, южной стороны «Старый большой город» был укреплен мощным деревоземляным валом, поверх которого, возможно, шел бревенчатый бруствер, с которого защитники крепости могли обстреливать неприятеля, и рвом. С восточной же и западной сторон, где вал упирался в глубокие, с отвесными краями овраги, он был огражден тыном. С северной стороны, выходящей к Днепру, «замок» был обнесен деревянной стеной с воротными башнями («старый деревянный город»)⁴⁹. Характеризуя укрепления «замка», Н. В. Сапожников писал, что «городские оборонительные сооружения этого времени (т.е. нач. XVI в. — В.П., Т.П.) имели протяженность более 3,5 км и охватывали огромную территорию площадью примерно в 65 га. С северной стороны крепость была дополнительно усилена башнями. По крайней мере, одна башня находилась в ее южной части»⁵⁰. О башнях смоленской крепости сообщают, кстати, немецкий аноним и Иоасафовская летопись. Согласно последней, во время третьей осады Смоленска в 1513 г.

огнем московской артиллерии была разбита Крыношевская (Крылошевская) башня-стрельница⁵¹.

Укрепления Пятницкого острога, примыкавшего к «замку» с запада, имели протяженность около 1,5 км и, видимо, несколько менее мощную деревоземляную конструкцию, чем валы «Старого города». Укреплена была также и заднепровская часть Смоленска, но каким был характер укреплений здесь, пока сказать сложно.

Одним словом, для своего времени Смоленск был серьезной, хорошо укрепленной крепостью, взять которую с ходу было проблематично. Поэтому промедление Ивана III с отправкой своих полков на город становится более или менее понятным, особенно если учесть тот факт, что сами смоляне отнюдь не выказывали желания передаться на сторону московского государя. Как совершенно справедливо заметил М. М. Кром, *«главная роль в обороне города принадлежала гарнизону, но многое зависело и от позиции горожан»*⁵². Предпринятые преемниками Витовта меры оказались вполне эффективными. Стремление сохранить особый статус города, закрепленный несколькими великокняжескими грамотами и привилегиями, способствовало тому, что обращение князя Александра Казимировича к жителям Смоленска в 1493 г. с призывом, чтобы в случае войны с Москвой его верные подданные ему послужили и *«замок наш Смоленск в целости будет захован»*⁵³, было услышано смолянами. Доказательством тому служит упорная их оборона в 1502 и 1512–1513 гг. от попыток московских воевод взять город.

Но вернемся обратно, в самое начало XVI в. После победы на Ведроши Иван III, как Ганнибал после Канн, не стал форсировать события. 29 сентября 1502 г. он отправил в Крым к своему послу И. Г. Мамонову *«память»*. В ней великий князь писал своему союзнику, крымскому хану Менгли-Гирею I, что намеревается *«даст Бог»*, *«послать своих воевод со многими людьми по первому пути, как снег ляжет, к Смоленску и к иным местом к литовским»*⁵⁴.

Однако намечавшийся поход не состоялся. Как писал потом Иван Менгли-Гирею, он не отправил свои полки к Смоленску по причине усталости ратных людей, все лето и осень 1500 г. *«воевавших»* Литву, а также и потому, что с наступлением зимы *«снеги выпали велики, да и корму коньского от Смоленска мало, не на чем многим людям стояти городов доставати»*. Были ли причиной тому названные великим

князем снег и нехватка фуража с провиантом, вкупе с желанием дать служилым людям поднакопить силенок перед новой кампанией, или же усложнившаяся дипломатическая обстановка, или совокупность этих и иных других обстоятельств — не столь и важно. Так или иначе, но набранный было темп оказался утрачен. Только спустя полтора года, зимой 1501/1502 гг., в Москве было принято решение нанести удар по Смоленску.

Подготовка к новой военной кампании, в затянувшейся против ожиданий войне с Александром Казимировичем, началась в конце зимы 1502 г., еще до возвращения из набега на литовские земли посланных в конце 1501 г. ратей во главе с князьями Д. В. Щеней, В. В. Шуйским, М. И. Булгакова и А. Ф. Голениным. Посылая 3 марта к Менгли-Гирею сына боярского А. Заболотского, Иван III передавал с ним грамоту, в которой сообщал хану, что он намерен *«воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Неметскую послать часа того, да и детей своих хотим оже даст Бог отпустить, и сами оже даст Бог всеми своими землями хотим с своими и с твоими недруги дело свое делати, сколко нам Бог пособит»*⁵⁵. При этом великий князь выражал надежду, что его союзник не останется в стороне от предпринимаемого большого похода и если сможет, тоже отправится воевать Литву, а в переговоры с посланцами Александра Казимировича вступать не будет⁵⁶.

Прошло несколько недель, и задуманный Иваном Васильевич план масштабного наступления на Литву стал обретать зримые очертания. Ю. Г. Алексеев, пытаясь реконструировать его, исходя из порой противоречивых сведений *«Государева разряда»* и частных разрядных книг, писал, что *«с декабря 1501 г. по август 1502 г. на Литву одна за другой были отправлены три рати во главе с двадцатью шестью воеводами, с участием сына великого князя, двух волоцких и одного рязанского князя и двух князей, недавно перешедших на русскую службу»*. По мнению историка, одна рать, составленная из служилых людей Новгородской земли (*«новгородская сила»*) во главе с князьями В. Д. Щеней и В. В. Шуйским, наступала на Смоленск с северо-запада, другая, которую формально возглавлял Дмитрий Иванович Жилка, сын великого князя, наступала прямо на Смоленск, а третья, под началом князей М. И. Булгакова и А. Ф. Голенина (*«тверская сила»*), заходила с северо-востока, ото Ржевы⁵⁷.

Однако, на наш взгляд, такая реконструкция представляется ошибочной, поскольку с трудом, а то и вовсе не согласуется с показаниями летописей и, что самое важное, польских источников. Прежде всего это касается «*силы новгородской*». Трудно представить, что после того, как она в марте вернулась из похода в Литву, спустя пару месяцев воеводы Ивана снова собирают ее под свои знамена с тем, чтобы вторгнуться во владения Александра Казимировича, при том, что на ливонской границе было неспокойно. Магистр В. фон Плеттенберг, после осеннего обмена ударами с русскими в 1501 г., отнюдь не изъявлял желание пойти на мирные переговоры. Более того, в марте 1502 г. нападению немцев подверглись окрестности Ивангорода и псковские земли⁵⁸. Увести с собой большую и лучшую часть новгородских ратников в момент, когда можно было ожидать нового вторжения ливонцев, было бы непростительной глупостью, и вряд ли Иван III, осторожный и расчетливый стратег, пошел бы на такой чрезмерный риск.

Столь же проблематичным представляется и участие, во всяком случае, на первом этапе смоленской осады, «*тверской силы*», о которой ниже. Чего не скажешь об участии служилых князей, недавно перешедших на службу Ивана III — И. М. Воротынского, М. Р. Мезецкого, В. И. Шемяича и, возможно, С. Ф. Воротынского. Во всяком случае, так могут быть «расшифрованы» названные Александром Казимировичем в письме к своему брату кардиналу Фредерику *dux'ы Premisl, Siemiaziczki, Moseczko и Moszanski*, что в первых числах июня 1502 г. вышли на подступы к Смоленску⁵⁹. Сюда можно отнести также С. И. Можайского, владевшего Стародубом и тоже перешедшего на сторону Ивана III в 1500 г.⁶⁰

Сопоставив все имеющиеся в нашем распоряжении данные, попытаемся предложить свою реконструкцию плана Ивана III. Оказавшись перед необходимостью выбора направления главного удара, московский государь недолго колебался с ним. От организации крупномасштабного наступления на северо-западном направлении великий князь отказался, о чем свидетельствует письмо, направленное Иваном Васильевичем епископу Дерпта, в котором он сообщал, что Плеттенберг может получить мир, если захочет, сопровождавшееся, тем не менее, концентрацией войск в Новгороде и у Луги⁶¹. Иван решил нанести главный удар на Смоленск, справедливо полагая, что взятие

этого стратегически важного города позволит ему блестяще завершить затянувшуюся вопреки первоначальным ожиданиям войну. Действия Менгли-Гирея против союзника Александра Казимировича хана Большой Орды Шейх-Ахмеда позволяли великому князю рассчитывать, что с юго-востока его владения будут в безопасности, и полки северских и верховских князей могут быть направлены против Литвы. Они должны были обеспечить беспрепятственное выдвижение к Смоленску главных сил московского войска, во главе которых, как следует из его послания крымскому хану, Иван III намеревался поставить кого-то из своих сыновей. «*Тверская сила*», как можно предположить, по замыслу государя всея Руси должна была послужить стратегическим резервом и могла быть брошена в нужный момент или против ливонцев, или на помощь осаждающей Смоленск рати.

Боевые действия в 1502 г., судя по всему, начались с серьезной задержкой. Причиной тому была необычайно суровая зима и холодная затяжная весна. Кстати, плохая погода еще сыграет свою роль в этой кампании. В грамоте Ивану III, которую тот получил 3 мая 1502 г., Менгли-Гирей, объясняя причины задержки с выступлением в поход против Шейх-Ахмеда, писал: «*Нынешние дни у нас завсе о те поры жнуть, жаворонки гнезда вьют, и ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей Орду взял, такова ж была зима; а опричь того, яз такой зимы не помню*»⁶². Начинать же поход до того, как просохнут дороги и взойдет первая трава, было бессмысленно. В итоге В. И. Шемяич со товарищи выступил на Смоленск лишь во второй половине мая 1502 г. и, как писал 9 июня того же года великий литовский князь, в первых числах июня их передовые отряды под началом четырех служилых князей появились в окрестностях города⁶³. Смоленскому наместнику пану Станиславу Кишке пришлось спешно готовиться к осадному «*сидению*», свозить в город припасы, эвакуировать под защиту укреплений жителей окрестных сел с их имуществом и скотом. В предстоящем испытании ему приходилось рассчитывать только на свои не очень многочисленные силы — несколько сотен смоленских бояр, восемь сотен наемных жолнеров⁶⁴, и на вооруженных мещан и поселян, ибо мобилизация литовских войск, как это уже неоднократно бывало, запаздывала. Как отмечал Т. Коржон, Александр не имел под рукой сколь-нибудь значительного войска, с которым можно было немедленно выступить

навстречу русским⁶⁵. Сбор посполитого рушения требовал немалого времени, а соглашение с ротмистрами о дополнительном найме жолнеров завершились лишь к середине июня и наемные роты ещё не скоро могли приступить к боевым действиям⁶⁶.

Одним словом, русские имели неплохую фору, однако выступление главных сил московской рати состоялось лишь в середине июля. Очевидно, Иван III попридержал полки, собранные еще в мае, ожидая вестей из степи — как там развивалось противостояние между Шейх-Ахмедом и Менгли-Гиреем. 28 июня из Крыма прискакал гонец Ф. Киселев, доставивший последние вести. Он сообщил, что *«царь Менли-Гирей Шиг-Ахмета царя прогонил и Орду его и улусы взял, а на Литовскую землю не пошел, а приказал так: как отведши Орду к Перекопи, так хочет детей своих всех да и рать свою на Литовскую землю послати»*⁶⁷. Спустя несколько дней, 3 июля, в Москву прибыл крымский татарин Суюнчей, доставивший великому князю грамоты от своего господина. В них Менгли-Гирей писал, что, *«слава Богу, Ших-Ахмета, недруга нашего, розогонив, орду его и все его улусы Бог в наши руки дал... И ты бы, брат мой, то доброе наше дело и те добрые вести слышев, весел бы еси был и обрадовался»* и, естественно, не забыл бы отослать в Крым богатые поминки по случаю одоления старинного недруга⁶⁸.

Приход этого известия ускорил развитие событий на смоленском направлении. 2 июля 1502 г. в поход выступили авангарды главной русской рати. Через полторы недели, в четверг 14 июля, *«на память святого апостола Акилы»*, великий князь проводил из подмосковного села Воронцово, что на Калужской дороге, своего сына Дмитрия *«да воевод своих, князя Василия Даниловича Холмского да Якова Захарыча, и иных воевод своих и многое множество воинства, да и посошныи с ними были» «с пушками, и со всеми приправами на добывание замков»*⁶⁹.

К сожалению, точных данных о численности рати, отправившейся добывать Смоленск, нет. Можно лишь попытаться представить её примерные размеры. С Дмитрием ушло 5 полков — большой, передовой, правой и левой рук и сторожевой. Без В.И. Шемячича, который, как было показано выше, уже был под Смоленском, полками командовали 15 воевод — кроме упомянутых в летописи В.Д. Холмского и боярина

Я. З. Кошкина, князя С. И. Стародубский (он же Можайский), В. С. Мних-Ряполовский, И. М. Репня-Оболенский, Ф. Б. Волоцкий, Ф. И. Бельский, Ф. И. Рязанский, А. В. Ростовский, М. Ф. Карамыш Курбский, И. Б. Тарусский, М. Ф. Телятевский, Ф. В. Телепень Оболенский, К. Ф. Ушатый Ярославский и воевода Д. В. Шеин⁷⁰. Согласно грамоте, отправленной 5 августа вместе с литовскими послами от Александра Казимировича его брату кардиналу Фредерику, временно управлявшему Польшей, четырехтысячный отряд москвитов во главе с князем Можайским приближался к Полоцку⁷¹. Однако С. И. Стародубский был первым воеводой передового полка и логично было бы предположить, что четыре тысячи людей — это весь усиленный лучшими людьми от других полков передовой полк. Всего же, по аналогии с другими походами того же времени, можно предположить, что если каждый воевода командовал, в зависимости от «ранга», от 150 до 300 детей боярских, а последние, в основном вотчинники средней руки, выступали в то время в поход с 2–3 послужильцами, то в войске Дмитрия Жилки насчитывалось до 13,5–15 тысяч детей боярских и их послужильцев, несколько тысяч «срубленных» с городов пищальников и артиллерийской прислуги — в любом случае не более 20 тысяч. Кроме того, рать сопровождало и множество небоевого элемента — кошевых, посошных, на плечи которых легли все саперные работы во время осады, ремонт дорог, мостов и прочее.

Вся эта масса людей, лошадей, телег со всевозможными большими и малыми артиллерийскими орудиями, ядрами, «зельем», провиантом, фуражом, лагерным и необходимым для ведения осады (туры, фашины, мешки, саперный инструмент и т.д., и т.п.) имуществом медленно, с трудом преодолевая раскисшие от непрерывных дождей дороги, двигалась к Смоленску. Надо сказать, что поход Дмитрия по праву может быть назван «грязевым» — лето и осень в 1502 г. выдались отвратительными. Как писала летопись, *«лето было непогожее: бури великие и хоромы рвало и древие ис корения рвало и дожди шли великие. И осень была вся непогожа же: и хлебу был нерод и ржем и ярем, многие люди и семен не собирая, а то непогодие стояло и до Николина дни и потом замерзло и снег пал...»*⁷². Естественно, что неблагоприятные погодные условия не могли не сказаться самым негативным образом на осаде Смоленска, но это стало ясно позднее, и пока все только-только начиналось.

В первых числах августа 1502 г. рать Дмитрия вышла на непосредственные подступы к Смоленску. Так, обращаясь к польским панам с просьбой поддержать литвинов не только словами, но и делом, Александр сообщал им между 5 и 17 августа, что московиты стоят в 20 милях от Смоленска⁷³. Действовавшие ранее в его окрестностях служилые князья вместе с передовым полком двинулись дальше на запад. Как позднее наказывал передать Менгли-Гирею Иван III, пока его сын стоял под Смоленском, *«люди... ходили да землю воевали: город... Оршу изгнали и выграбили и волости все и за Мстиславль по Березыню и по Видбеск и по Двину выграбили и выжгли и людей в полон ввели, а Витебска посады пожгли...»*⁷⁴. Главные силы в 20-х числах августа подошли вплотную к Смоленску, загнали жолнеров Кишки и смоленских бояр в город⁷⁵, обложили его плотным кольцом и приступили к осадным работам. Как сообщала литовская «Хроника Быховца», московиты, пребывая под Смоленском, *«воевали на вси стороны, а город Смоленск мало не весь пушками обложивши, и день и ночь безпрестанно его добывали, и за великими турами, насыпаючи песком и землю, невымовныя штурмы на него чинили»*⁷⁶. Очевидно, что, окружив город, ратники Дмитрия Жилки и посоха возвели батареи, заложили траншеи и под прикрытием непрерывной канонады, «лучного боя» и стрельбы из ручниц стали приближаться шаг за шагом к городскому рву, готовясь к последнему броску.

Смоляне, однако, упорно держались, рассчитывая на помощь великого литовского князя Александра Казимировича. Надо полагать, что определенное воздействие на стойкость смолян оказала и выданная 16 августа 1502 г. великим литовским князем льготная грамота смоленским мещанам, пострадавшим от бесчинств наемной солдатни, с освобождением горожан на 6 лет от серебщизны и ордынщины и *«и иных наших поплатков»*⁷⁷. Одним словом, проходил день за днем, а все усилия русских воевод оставались втуне. Тем временем великий литовский князь, пытаясь выиграть время, предложил Ивану III начать мирные переговоры. Иного выхода у него пока не было — сильной полевой армии у него все еще не было. Естественно, что Иван III ухватился за такую возможность закончить порядком поднадоевшую войну, но вместе с тем 27 августа отправил в лагерь Дмитрию Жилке дьяка Ивана Телешова с наказом, чтобы он и его воеводы *«города бы есте*

Смоленска доставали, и дело наше и земское делали, посмотря по делу, как вас Бог вразумит и как вам Бог поможет»⁷⁸. В предстоявших переговорах взятие Смоленска было бы весьма весомым доводом в руках московского государя. Вместе с тем Иван III накрепко наказывал сыну «не зарываться» и в случае, если смоляне будут «сидети крепко» или, паче того, появятся известия о том, что великий князь литовский наконец-то высылает войска на помощь осажденным, немедленно известить его. На этот случай наготове были резервы — свежие полки во главе с другим сыном Ивана, Василием, и татары, касимовские и казанские⁷⁹. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что дьяк отправился под Смоленск не один — вслед за ним туда же двинулась «изо Ржевы в Литовскую землю воевать» «тверская сила», пять полков во главе с князьями М. И. Булгаковым и А. Ф. Голениным (семь воевод, до 4—4,5 тысяч ратников)⁸⁰.

К моменту прибытия под Смоленск в первых числах сентября свежих сил и великокняжеского дьяка с посланием от Ивана III, ситуация снова изменилась. По слухам, выходило, что Александр вроде бы наконец-то собрал 35-тысячное войско, которое стоит в Луцке, а сам великий литовский князь с четверехтысячным отрядом расположился в Новгородке и часть своих людей послал к Смоленску⁸¹. Правда, в лагере осаждающих еще не знали о том, что Менгли-Гирей, исполняя свое обещание, в середине августа отправил в набег на Литву двух своих сыновей, Фетх-Гирея и Бурнаш-Гирея, с немалым войском, порядка 10 тысяч всадников⁸². В первых числах сентября «царевичи», как позднее писал Ивану хан, «со мною ратью двема дорогами поехали, один на Литовскую землю Островские города прошед полтретьятцать день ходил и воевал и зажигал и много полону взяв, добр здоров воротился; а меньшей мой сын, лятцкая была рать к королю пошла, и он встретив, за тою ратью погонил, до Кракова города десять миль не дошед, воротился и много городов разорив и много полону взяв, добр здоров приехал». К тому же и молдавский господарь Стефан, родственник Ивана III, захватил, воспользовавшись затруднительным положением Александра Казимировича, спорные земли в Поднестровье⁸³. Так что великому литовскому князю было не до посылки сколько-нибудь серьезной помощи смолянам и оставалось надеяться только на то, что Смоленск выстоит своими силами.

Однако все эти известия никак не влияли на положение осаждающих. Осада затягивалась, русский лагерь утопал в грязи, начались болезни и проблемы со снабжением. Все, что можно было съесть, было уже съедено, смоленская округа, где с начала лета шли боевые действия, выжжена и опустошена дотла, а доставлять провиант, фураж и боеприпасы из Москвы по непролазной грязи было чрезвычайно сложно. 16 сентября русские полки пошли на приступ, но были отражены. При этом как сообщали торжествующие победители своему князю, был убит один из русских воевод, командовавших штурмом, по имени Палецкий, и разбита одна из русских «бомбард»⁸⁴. Надо полагать, что назван был первый воевода сторожевого полка «тверской силы» князь Ф.И. Палецкий, который, правда, погиб спустя четыре года под Казанью⁸⁵, а здесь, следовательно, был ранен.

Последней соломинкой стала неприятная новость, которую принесли с собой из-под Орши беглецы, где жемойтским старостой Станиславом Яновским был разбит русский отряд, занимавший город. Они рассказали, что в Полоцке стоит большая литовская рать, и она не намерена просто стоять и ждать, когда русские отступят сами собой⁸⁶. Сам литовский князь писал, что в Полоцке находятся тысяча конницы и пять тысяч пехоты⁸⁷. Посоветовавшись с воеводами, Дмитрий Иванович отдал приказ начать отступление. 17 сентября, «на третий день по Воздвижениеве дни», русские оставили свой лагерь и позиции под валами Смоленска и начали медленный марш домой, «граду учиниша зла много и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчисленно»⁸⁸. Главные силы с Дмитрием прибыли в Москву спустя почти месяц, 23 октября⁸⁹, но часть рати осталась в «Литовской земле» и дальше ее «воевать». Можно предположить, что это были полки В.И. Шемячича со товарищи⁹⁰.

Так неудачей закончилась первая «смоленщина». По возвращении в Москву Дмитрий доложил отцу, что главная причина поражения заключалась в том, что де «многие дети боярские подступали под град и в волости отъежцаа грабили без его ведома, а его не послушаша». Разгневанный Иван беспощадно расправился с ослушниками, повелев многих из них казнить, бить кнутом на площади или кинуть в тюрьму⁹¹. Но очевидно, что не в этом крылась главная причина неудачи,

и не в слабости московской артиллерии, как полагали, к примеру, К. В. Базилевич и А. А. Зимин (на ошибочность этого предположения справедливо указывал, к примеру, М. М. Кром), но в упорстве смолян и в силе смоленских укреплений⁹².

Первая осада Смоленска наглядно продемонстрировала всю сложность этого предприятия. Четко обозначились и основные проблемы, которые нужно будет решать тем, кто решится на его новую осаду — как взломать действительно мощнейшие по тем временам укрепления города и как решить проблему снабжения осаждающих войск. Первая из них быстрого решения не имела. При всей кажущейся примитивности, на фоне зарождающейся в те времена в Европе бастионной фортификации, смоленских валов и деревянных стен укрепления подобной смешанной конструкции, как отмечал автор «Записок о Московской войне» короля Речи Посполитой Стефана Батория Р. Гейденштейн, были *«более безопасны для обороны и представляют большую выгоду, нежели каменные (Гейденштейн, очевидно, имел в виду традиционные средневековые замки с высокими, но относительно тонким каменными стенами. — В.П., Т.П.), так как, с одной стороны, таковое строение больше противится действию орудий, а с другой, если оно и пробито, то это не ведет за собой большого разрушения стены, что обыкновенно бывает с каменной постройкой...»*⁹³. Затягивание же сроков осады неизбежно ставило перед осаждающими проблему снабжения. Вряд ли случайно Иван III подчеркивал в сношениях с крымским ханом Менгли-Гиреем именно это обстоятельство, отписывая союзнику, что его сын *«Смоленска не взял затем, что ... пришла великая рать, ино корму не стало, не на чем было стояти города доставати»*⁹⁴. Добавим к этому и стойкость осажденных, которые, несмотря на продолжавшуюся почти месяц бомбардировку, отказались сложить оружие.

От комплексного решения трех этих проблем и зависело решение «смоленского вопроса» в отношениях Москвы и Вильно. Во время первой «смоленщины» обозначилась еще одна важная черта — отсутствие сколько-нибудь серьезной поддержки осажденной крепости извне. Московские авангарды появились в окрестностях Смоленска в начале июня, а осада закончилась в сентябре, то есть боевые действия под городом шли на протяжении примерно 3,5 месяцев. За все это время великий литовский князь так и не смог организовать посылку войска

на помощь осажденным и вынудить русских отступить. В итоге смолянам пришлось фактически один на один сражаться с Иваном III. Неспособность верховной литовской власти быстро собрать рать на помощь осажденным спустя 12 лет станет роковой.

Но до этого было еще далеко. Осенью 1502 г. Александр Казимирович мог праздновать неожиданную победу, а Иван III — размышлять над тем, что делать дальше. Мир, подписанный вскоре после этих событий, не разрешил всех противоречий между Москвой и Вильно, став не более чем перемирием. В том, что новая война неизбежна, надо полагать, не сомневались ни в Москве, ни в Вильно, вопрос был только в том, кто и когда ее начнет.

Первые шаги на этом пути сделал, как это ни покажется странным, казанский хан Мухаммед-Эмин. Тяготясь зависимостью от Москвы и узнав о том, что Иван III при смерти, он поторопился разорвать отношения с великим князем — *«забыв свое слово, и преступив шертные грамоты, великого князя посла Михаила Кляпика поимал в Казани, и людей великого князя торговых поимал, а иных посекал, а иных пограбив разослал в Нагаи»*. Свершив это дело, хан отправился в набег на Нижний Новгород, правда, без успеха — нижегородский воевода А. В. Хабар сумел отбить неожиданное нападение. Немалую роль в этом сыграли литовские *«желныри»*, пленники Ведрошской битвы, которых воевода выпустил из заточения и вооружил ручницами⁹⁵. Потерпев неудачу под Нижним, Мухаммед-Эмин не оставил своих планов взять реванш за предыдущие унижения и сын Ивана, Василий III, дал ему такую возможность — посланный из Москвы с отпущением за избивание московских *«гостей»* брат великого князя, герой похода 1502 г. Дмитрий Жилка, был разбит под Казанью в июне 1506 г.⁹⁶

Ободренный успехом, казанский *«царь»* поспешил обратиться с посланием к Менгли-Гирею I и Александру Казимировичу, предлагая им заключить тройственное согласие с тем, чтобы вместе отомстить *«московскому»*⁹⁷. Сменивший скончавшегося Александра его брат Сигизмунд с радостью откликнулся на это предложение, равно как и Менгли-Гирей, решивший, что со смертью Ивана III прежние договоренности с Москвой не в счет. Сигизмунд, в свою очередь, предложил магистру Ливонского ордена В. фон Плеттенбергу принять участие в антимосковской коалиции, правда магистр под благовидными

предложениями уклонился⁹⁸. Впрочем, длившаяся два года переписка между Крымом, Вильно и Казанью ни к чему так и не привела — не потому ли, что ни Менгли-Гирей, ни тем более Сигизмунд не собирались лезть в драку вперед остальных своих «партнеров», предпочитая загребать жар чужими руками, а Мухамед-Эмин поторопился замирился с Василием III? Последний же, вне всякого сомнения, осведомленный своими доброхотами в окружении Сигизмунда, Менгли-Гирея и Мухамед-Эмина о планах относительно совместного нападения на Москву, ничего не забыл, и при первой же возможности постарался отомстить, благо повод для этого искать долго было не нужно.

Когда литовские послы в марте 1507 г. прибыли в Москву, то они услышали «пригожие» слова: «*Государь* (Василий III. — В.П., Т.П.) *во всем зятю своему Александр перемирные лета по его живот правил, а з Жигимонтом королем государю перемирья не бывало...*»⁹⁹. В начавшихся вскоре после этого боевых действиях Смоленск не был обойден вниманием московских воевод. В июле из Дорогобужа на смоленские земли совершила стремительный набег небольшая конная рать (четыре полка, четыре воеводы, около тысяч детей боярских с послужильцами) под началом окольного И. В. Вельяминова, а затем Смоленщина подверглась опустошению и разорению со стороны столь же немногочисленной пятиполковой рати под началом воеводы князя И. М. Репни-Оболенского¹⁰⁰. Однако на этот раз обошлось без осады — видимо, в Москве помнили неудачную попытку взять хорошо укрепленный город пять лет тому назад и решили на этот раз не тратить время. Весной следующего года Смоленщина подверглась очередному опустошению, когда через нее прошли полки воеводы боярина Якова Захарьича, направлявшиеся к Минску на соединение с взбунтовавшимся против Сигизмунда I князем Михаилом Глинским¹⁰¹. Но и тогда до осады дело не дошло, а в октябре 1508 г. очередная русско-литовская война закончилась «Вечным миром». Военная гроза затронула Смоленск одним крылом.

Мир, подписанный осенью 1508 г., несмотря на свое громкое название, продержался всего лишь четыре года, снова оказавшись не более чем очередным перемирием. Пограничные стычки, взаимные наезды и грабежи, отравлявшие отношения между Москвой и Вильно в предыдущие годы, возобновились едва ли не на следующий день после

завершения войны, размен пленниками не был доведен до конца¹⁰². Сигизмунд жаждал вернуть бежавшего к Василию Михаила Глинского, а вдова Александра Казимировича, сестра Василия княгиня Елена, подвергалась притеснениям и оскорблениям со стороны нового великого литовского князя и его окружения. Одним словом, причин для того, чтобы начать новую войну, было более чем достаточно, и война «холодная» между Русским государством и Великим княжеством Литовским очень скоро переросла в войну «горячую».

Перипетии дипломатической борьбы в канун новой русско-литовской войны подробно рассмотрел А. А. Зимин¹⁰³. Осенью 1512 г. вдовствующая великая княгиня Елена Ивановна собралась было отъехать в свое имение Брянславль и отослала вперед себя часть своей свиты и казну. Намерение княгини отбыть в свои владения вызвало у литовской паны-рады (совета литовской аристократии) подозрение, что она собирается в канун надвигающейся войны бежать к своему брату в Москву. Елена была арестована и посажена в темницу, где вскоре умерла. Этого оказалось достаточным, чтобы в русской столице решили — дальнейшее соблюдение условий мирного договора не имеет смысла. К тому же Василию III и его боярам стало известно о том, что между Сигизмундом и Менгли-Гиреем I, крымским ханом, идут переговоры о заключении союза против Руси. *«Жигимонт король польский ссылается з бесерменским царем Менлигиреем и его наводит, Минлигириа, на великого князя, чтобы на него пошел ратью...»*¹⁰⁴.

В Москве решили не ждать, пока грянет гром, и нанесли удар первыми. К Сигизмунду был отправлен подьячий Васюк Всесвятский со *«складною грамотою»*, где государь *«писал свое имя с титлы, а королево без титлы. А в грамоте писал о обидные всякие дела и о том, что королеве (Елене Ивановне. — В.П., Т.П.) паны безчестье учинили, и людей и казну и именье ее поимали, и бесерменства на государеву землю наводит; и за то за все взял Бога на помощь, пошел на него и хочет стоять, сколько Бог помочи подаст...»*¹⁰⁵. Так началась очередная, растянувшаяся на долгие 10 лет, с 1512 по 1522 гг., русско-литовская война, которая по праву может считаться Первой Смоленской войной, тогда как Второй стала война 1632–1634 гг.

Стремясь предупредить совместное выступление литовцев и татар, Василий III не стал дожидаться весны и открыл кампанию немедленно,

как только морозы сковали землю, лег первый снег и установился сан-
ный путь. Кажется, что Василий учел результаты «*грязевого*» похода
Дмитрия Жилки и решил попытаться атаковать Смоленск, имея надеж-
ные коммуникации для подвоза всего необходимого для многочис-
ленного войска. А в том, что оно было таким, нет никаких сомнений.
14 ноября «*наперед себя*» великий князь послал к Смоленску пятипол-
ковую рать (10 воевод, до 3,5–4 тысяч всадников) под началом князя
И. М. Репни-Оболенского и конюшего И. А. Челяднина. Сам государь
покинул Москву 19 декабря, возглавив главные силы русского войска:
5 полков с 19 воеводами, двор самого великого князя и дворы его бра-
тьев Юрия и Дмитрия, служилые татары и прочие.

В январе («*в рождествено говение*») великий князь прибыл под
Смоленск добывать «*своей отчины*». Вместе с его полками к середи-
не января под стенами Смоленска собралось около 15,5 тысяч ратных
людей, в том числе не менее тысячи пищальников-псковичей, не счи-
тая взятых с других городов, при 140 орудиях¹⁰⁶.

Судя по всему, смоляне, как и в 1502 г., не рискнули выступить про-
тив столь сильной рати и, спалив заднепровский посад, укрылись
в «*замке*». Сев в осаду, они рассчитывали дожидаться, пока не подойдет
помощь со стороны Сигизмунда или пока московиты, истратив при-
пасы и опустошив дотла окрестности города, будут вынуждены отсту-
пить. Василий III и его воеводы были настроены весьма решительно
и не собирались тянуть время. Город был обложен со всех сторон, посо-
ха возвела батареи и туры, пушки, установленные на обоих берегах
Днепра, открыли канонаду. Однако смоляне держались, и Василий III,
нервничая и понимая, что время сейчас не на его стороне, попытался
форсировать события. В конце января, по сообщению псковских лето-
писей, «*князь велики даше псковским пищальником, Хороузе сотнику
с товарищи три бочки меду и три бочки пива, и напившиися полезо-
ша к городу, и иных городов пищальники, а посоха понесоша примет*».
Штурм охотниками был предпринят в полночь, после того, как на
протяжении всего дня артиллерия великого князя палила по городу.
Однако приступ не удался — осажденные ждали атакующих «*и много
под городом пищальников и посохи прибили, а псковских пищальников
много же побиша, зане же оны пьяны лезли*»¹⁰⁷. Сигизмунд I на радо-
стях отписывал архиепископу Яну Ласкому, что при отражении атаки

смоляне побили две тысячи московитов¹⁰⁸, и хотя, естественно, сведения эти преувеличены, ясно одно — провалившаяся попытка штурмовать укрепления Смоленска обошлись русским полкам очень и очень дорого. Во всяком случае, анонимный немецкий автор писал вскоре после отступления русских от Смоленска, что Василий III оставил под его валами до четырех тысяч своих ратников¹⁰⁹.

После этой неудачи Василий III продолжил обстрел города, надеясь, что, не выдержав непрерывной канонады, гарнизон города и его жители согласятся на капитуляцию. Но его расчеты не оправдались. Никаких признаков ослабления воли осажденных к сопротивлению не было заметно, земляные валы Смоленска надежно держали выпущенные из русских пищалей каменные и железные ядра. Между тем приближалась весна с неизбежной распутицей, стоять в лагере под валами Смоленска становилось все труднее и труднее, войско роптало, устав от безрезультатной осады. На исходе шестой недели, когда *«нача тепло быти, весна и воды многы, а корму конского скудно бе»*, Василий скрепя сердце был вынужден отдать приказ начать отступление и вернуться в свою столицу в первых числа марта 1513 г., *«в третью неделю святого поста»*¹¹⁰.

Неудача зимнего похода отнюдь не охладила решимости Василия III овладеть Смоленском. Имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн, в 1517 и 1526 гг. побывавший в России, характеризуя в своих знаменитых записках великого князя и государя всея Руси Василия III, писал, что Василий, подражая своему отцу Ивану III, *«присоединил к своей державе множество областей не столько войной, в которой он был менее удачлив, сколько настойчивостью»*¹¹¹. Смоленск стал одним из самых ярких примеров той самой настойчивости и упорства Василия в достижении намеченной цели. Не получилось взять город на этот раз — что ж, попробуем снова, только подготовимся к новому походу еще более тщательно. Не прошло и двух недель после возвращения из «смоленского невзятья», как 17 марта 1513 г. государь и Боярская дума приговорили идти на город во второй раз. Вскоре дьяками был составлен соответствующий разряд, и к началу лета на литовско-русской границе была сосредоточена большая армия, ждавшая приказа о начале вторжения. Интересно, что, судя по всему, Василий III для этого похода через посредство некоего саксонца Шляйница, *«человека»*

Михаила Глинского, сумел нанять в Германии, Чехии и Италии отряды немецких пехотинцев-ландскнехтов и всадников, итальянских и немецких инженеров и закупить некие *«осадные машины»*, то есть артиллерию¹¹².

14 июня 1513 г. государь выступил из Москвы в Боровск *«своего для дела смоленского»*. Второй смоленский поход начался. 18 июня Василий прибыл в Боровск, а 17 июля расположенные на границе полки получили долгожданный приказ начать вторжение. Месячная пауза была вызвана, возможно, ожиданием вестей с южной границы о действиях крымцев. Непосредственно на Смоленск двинулась пятиполковая рать во главе с воеводой князем И. М. Оболенским-Репней и окольным А. В. Сабуровым (11 воевод) численностью около 4–5 тысяч человек¹¹³. Надо полагать, что лично убедившись в прочности смоленских валов, Василий на этот раз сделал ставку не на *«прямое дело»*, а на измор и внутренние разногласия среди смолян. Поэтому перед воеводами была поставлена задача выйти к городу, блокировать его и сорвать сбор урожая, одновременно довершив разорение смоленских окрестностей. Дальнейший ход событий только подтверждает это предположение.

Самое позднее 20–21 июля 1513 г. передовая русская рать вышла к Смоленску. О гарнизоне города во главе с наместником Юрием Глебовичем можно судить по тому, что в начале 1503 г. в Смоленске стояло только семь пеших наемных рот общей численностью по спискам 803 пехотинца и 27 всадников, а местных смоленских князей, бояр и слуг доспешных, щитных, панцырных с сыновьями, братьями, братаничами, зятьями, *«в поделе»* и *«неделеных»*, согласно реестру набиралось около двух тысяч¹¹⁴. Они попытались сделать вылазку из города (*«выехаша за город за валы на бой»*) — похоже, что московские воеводы перехитрили смоленского наместника и его ротмистров, подставив под удар немногочисленный авангард и выманив неприятеля за стены в поле. По сообщению летописца, в последовавшей схватке *«Божим милосердием великого князя воеводы смоленского воеводу и князей и панов прогнаша, и многих людей побиша, и иных князей, и бояр и желнырей живых многих поимаша...»*¹¹⁵. Втоптав литовцев обратно в город и взяв пленных, воеводы в ожидании подхода главных сил расположились вокруг Смоленска, разослав мелкие отряды по округе для разведки и фуражировки.

11 августа к Смоленску из Дорогобужа двинулись «*большие воеводы*» с еще примерно четырьмя тысячами ратников. К середине августа соединенная русская рать завершила обложение города и полностью блокировала его — по словам немецкого анонима, до такой степени, что «*туда никогда, до самого последнего дня его (Василия III. — В.П., Т.П.) отступления не могло проникнуть никакое письмо или донесение...*»¹¹⁶. Осталось теперь дожидаться самого великого князя с братьей и «*большим нарядом*», который должен был довести начатое дело до конца. Любопытное свидетельство по этому поводу оставил С. Герберштейн, который писал, что, осаждая Смоленск, Василий часть артиллерии отлил на месте¹¹⁷. Неизвестно, правда, насколько это известие правдоподобно.

Великий князь выступил из Боровска вместе с братьями Дмитрием и Андреем и нарядом, в котором было, если верить упоминавшемуся выше немецкому анониму, две тысячи больших и малых «*buchsen*»¹¹⁸. Это случилось только 5 сентября, когда стало ясно, что татары не угрожают внезапным набегом «*крымской украине*» — крымский калга (наследник) Мухаммед-Гирей, при престарелом Менгли-Гирее прибиравший к рукам все более и более власти, отправился «*ратиться*» с «*воложским*» (молдавским) господарем Богданом. К Василию же калга послал своего служилого татарина Кудеяра Базангозина, которому повелел сообщить, что он де готов вместе с московским государем выступить против Сигизмунда¹¹⁹.

Неспешный марш занял две с половиной недели, и только 22 сентября 1513 г. Василий со своими полками прибыл в лагерь осаждающих¹²⁰. Столь долгое промедление, как показали последующие события, имело роковые последствия, но пока преисполненный надежд на скорый успех великий князь «*пушки повеле изставити и по граду ис пушек и ис пищалей повеле бити по многи дни*»¹²¹.

Обстрел осажденного Смоленска длился полтора месяца, причем, если верить немецкому источнику, особенно тяжелыми для осажденных оказались последние четыре недели и два дня, когда бомбардировка практически не прекращалась, а отряды охотников раз за разом пробовали взобраться на смоленские валы. Мощный огонь московской артиллерии в нескольких местах разрушил заборолы, разбил Крыношевскую башню, «*великие скорби и бои пушками и пищальми по много*

дни сътвори...»¹²². Однако немногочисленный гарнизон города и смоляне, ободренные слухами о том, что сам Сигизмунд прибыл в Вильно со свежими войсками, продолжали держаться, исправляя по ночам повреждения, наносимые русской артиллерией. И снова обратимся к свидетельству «с той стороны»: *«Добрые люди в крепости рыцарски оборонялись, терпели большую нужду от врагов, а также голод, потому съели всех лошадей, решившись скорее съест друг друга, чем сдать-ся; они жили в надежде, что их спасут, сожгли самый город и забрались в крепость, которая там очень велика и обширна; в ней было более 10000 мужчин и женщин...»*¹²³. Неоднократные послышки великим московским князем *«грамот о добре и зле, чтоб они (смоляне. — В.П., Т.П.) задались за великого князя»* также были отвергнуты жителями города¹²⁴. Кстати, стоит обратить внимание на указание немецкого анонима о голоде, начавшемся в Смоленске — тактика, выбранная Василием, начала давать ожидаемый эффект. Собственных ресурсов, чтобы и дальше выдерживать военное напряжение, у смолян уже не осталось, запас прочности их был на исходе, и сражались они только в надежде на помощь извне.

Тем временем, воспользовавшись стойкостью смолян, Сигизмунд I постарался не разочаровать своих верных подданных и сумел собрать немалые силы, во главе которых был поставлен старый и опытный гетман князь К. Острожский, который перешел в контрнаступление, деблокировав окруженные русскими войсками Витебск и Полоцк. Василий III, опасаясь неудачи и потери *«наряда»* и обоза, решил снять осаду и отступить. Наступившие холода и обозначившаяся нехватка фуража ускорили принятие решения об отступлении. Видимо, русские начали сворачивать свои действия под Смоленском в конце октября, самое позднее — в первых числах ноября, поскольку уже 8 ноября Сигизмунд писал прусскому великому магистру о том, что москвитяне покинули свои позиции под Смоленском¹²⁵. Согласно русским летописям, русские войска *«воевали»* Литву *«осень и зимоу до великих заговен»* (15 ноября). Сам великий князь вернулся в Москву из похода *«на Веденьев день»* (т.е. 21 ноября) 1513 г., *«не оучиня ничего же, только землю Литовскую поусту доспел»*¹²⁶.

Казалось бы, после второй неудачи у великого князя должны были опуститься руки, но, как уже было отмечено выше, Василий отличался

упорством и настойчивостью в достижении намеченной цели. Так что второе подряд отступление от Смоленска вовсе не привело его в уныние. Напротив, похоже, что он счел происходящее соответствующим его плану. План же этот, по нашему мнению, заключался в том, чтобы взять смолян измором, не давая им роздыху. В первый поход Смоленск лишился своих посадов, во второй — было довершено разорение его окрестностей, а урожай на полях погублен или собран московскими фуражирами. Примечательно, что немецкий аноним сообщал о том, что во время второй осады, осажденные испытывали голод и были вынуждены съесть всех лошадей¹²⁷. Великий же князь был, судя по всему, хорошо осведомлен от своих агентов и тайных доброхотов о том, что происходит в Смоленске и каково его положение. Так, в одной из родословных книг, Румянцевской редакции, составленной в 40-х гг. XVI в., сообщается об одном из таких информаторов — некоем Тимофее Фролове. Он и его отец Фрол *«отъехали для незгоды в Смоленск»*, а затем, *«как князь великий Василей почал Смоленска достигати, и в те поры, живучи в Смоленску, Тимофей великому князю Василью служил, и вести к нему всякие посылал»*¹²⁸.

Судя по всему, к концу 1513 г. собственные ресурсы Смоленска начали иссякать, а его запас прочности подходил к концу, и выбранная Василием стратегия должна была рано или поздно принести успех. Нужно было только не прекращать давления на смолян, поставить их перед выбором — капитуляция, либо неминуемая смерть или холопство. И соответствующее решение было принято. Зима 1513–1514 гг. прошла в напряженной дипломатической деятельности и подготовке нового похода, а уже 4 февраля 1514 г. великий князь с боярами *«приговорили» «итить к Смоленску в третие»*¹²⁹.

Московская «Ставка ВГК» подошла к планированию третьей экспедиции к Смоленску чрезвычайно серьезно. Двусмысленная позиция крымского «царя» Менгли-Гирея обусловила необходимость надежно прикрыть *«крымскую украину»*. Здесь, под Тулой, в начале мая 1514 г. начала разворачиваться большая, пятиполковая рать во главе с воеводами боярами князем А. В. Ростовским и М. Ю. Захарьиным: 10 воевод, ориентировочно 4–5 тысячи «сабель», в том числе и часть Государева двора, отборные *«кутазники»* и *«аргумачники»*¹³⁰. Оба военачальника считались одними из наиболее опытных и заслуженных воевод

Василия III, само их назначение косвенно свидетельствует о том, что в Москве, как и прежде, не оставляли вниманием *«крымскую Украину»*, а князь Ростовский со товарищи должен был надежно прикрыть это направление, пока сам великий князь с главными силами будет штурмовать Смоленск.

На северо-западном «фронте» готовилась действовать *«сила новгородская»* и *«псковская»*, с *«помочной» «силой тверской»*. Новгородцы и псковичи привыкли воевать у себя «дома», не уходя далеко от родных стен, поэтому в Великих Луках собирались новгородские, псковские и тверские полки во главе с новгородским наместником боярином князем В.В. Шуйским — примерно 3–4 тысячи «сабель» и «пищалей»¹³¹. Задача, которую должен был решить Шуйский со своими *«воинниками»*, вполне очевидна — создавая угрозу вторжения на полоцком и витебском направлениях, Шуйский со товарищи должен был отвлечь на себя часть сил, которые Сигизмунд мог отправить на помощь смолянам.

Основные же силы русского войска разворачивались на *«западном фронте»*, в районе Дорогобужа — города, откуда по старой доброй традиции выступали русские полки на Смоленск. Во главе пятиполковой рати (11 воевод, 5–6 тысяч «сабель») стояли заслуженные воеводы князь и боярин Д.В. Щеня, победитель литовцев на Ведроше двенадцатью годами ранее, и конюший боярин И.А. Челяднин. Эта группировка войск должна была составить первый эшелон армии для осады Смоленска в кампанию 1514 г., в задачу которого входило быстрое выдвижение под Смоленск, полная его блокада и подготовка условий для подхода второго эшелона под началом самого великого князя.

Кроме того, на Угре, видимо, в районе Калуги, на полпути между Дорогобужем и Тулой, разбили лагерь воеводы князь и боярин С.И. Воронцов, окольничий И.В. Хабар Симской и П.Я. Захарьин, с примерно тысячью «сабель»¹³². Очевидно, что этот корпус, по замыслу составителей плана операций на весну–лето 1514 г., предполагалось использовать в зависимости от развития ситуации — или на «южном», «крымском» фронте, или же на западном, смоленском направлении.

Таким образом, без учета тех сил, что Василий концентрировал на Москве и во главе которых намеревался лично двинуться на Смоленск, а также служилых татар, на трех стратегических направлениях

московский государь собрал порядка 13–16 тысяч «сабель» и «пищалей», большая часть которых так или иначе могла быть задействована под Смоленском.

С великим князем находились часть Государева двора, дворы его братьев, «наряд», пищальники сборные с городов и пищальники «казенные» — всего 4–5 тысяч человек¹³³. Всего выходит, что в кампанию 1514 г. Василий III намеревался выставить порядка 18–20 тысяч человек, в том числе на главном, смоленском, направлении не меньше 11–12 тысяч, без учета северо-западной рати и рати калужской. Кроме того, не стоит забывать и о служилых татарах, которых насчитывалось не менее 1–1,5 тысяч «сабель». Их участие в походе несомненно, только источники не сообщают, к какой именно рати они были «приписаны»¹³⁴.

Что мог противопоставить этим ратям Сигизмунд I? Великий князь литовский понимал, что Василий III так просто от Смоленска не отступится, а силы смолян на исходе и без помощи со стороны они могут не устоять перед лицом новой угрозы. В самом конце 1513 г. по устоявшемуся зимнику из Кракова в Вильно отправился под конвоем служилых татар большой обоз с «зельем» и ингредиентами для его изготовления. Из литовской столицы без малого тонна пороха, «дельничого и гаковъничьного, ручъничьного», столько же селитры, почти полтора центнера серы и почти 900 кг свинца были доставлены в Смоленск в распоряжение смоленского хорунжего Михаила Баси. Вслед за этим хорунжий получил 100 гаковниц (тяжелых крепостных ружей) и «кулек» (пульк к ним) общим числом 5100 штук¹³⁵.

Таким образом, смоленский арсенал был существенно пополнен накануне очередной серии смоленской эпопеи. Кроме этого, Сигизмунд и паны-рада сочли необходимым сменить смоленского наместника. Юрий Глебович, дважды сумевший отстоять город от войск Василия III, был заменен Юрием Сологубом, который наместничал в городе в 1503–1507 гг. Прибыв в город, новый наместник поспешил принести торжественную присягу в том, что ему *«его милости господару моему (Сигизмунду. — В.П., Т.П.) вернее и справедливее служить, и индеи нигде не маю ся склоняти вмыслом и вчинком, и маю на господаря его милости Жикгимонта, короля польского и великого князя, тот замок (смоленский. — В.П., Т.П.) держати и боронити, и никому не подавати, толко ему, господару моему прирожоному...»*¹³⁶.

Однако пополнения запасов смоленского арсенала и цейхгауза и смены воеводы было явно недостаточно для того, чтобы отвратить угрозу падения города. Весь предыдущий опыт показывал, что ни к чему московиты так не чувствительны, как к угрозе снятия осады извне. К весне нужно было собрать войско, и немалое, так что в августе 1513 г. Сигизмунд, прибыв в Вильно из Кракова, предложил панам-рады не только созвать посполитое рушение, но, самое главное, набрать наемников — 10 тысяч конных и две тысячи пеших¹³⁷. Однако при тогдашних расценках услуг наемников (в квартал четыре золотых на коня и два золотых на пехотинца-драба, а в золотом 22 гроша¹³⁸), только первый платеж должен был составить 48 тысяч золотых или 17,6 тысяч коп грошей. Таких денег в литовской казне-скарбнице не было ни тогда, ни после, о чем горько сожалел епископ Перемышльский Петр Томицкий в апреле 1514 г.¹³⁹ Поэтому паны-рада дали согласие на набор лишь семи тысяч наемников, о чем и сообщал Сигизмунд в письме к собравшимся в начале 1514 г. в Пиотркуве делегатам коронного сейма¹⁴⁰.

Осознавая ограниченность имевшихся в его распоряжении ресурсов, Сигизмунд добился созыва в феврале 1514 г. в Вильно вального сейма, на повестку дня которого выносился один, но самый важный в сложившихся обстоятельствах вопрос — воевать ли дальше с Москвой или мириться с ней на ее условиях. Если же не мириться — то на какие средства продолжать войну дальше? Сейм собрался в феврале и работал почти полтора месяца, после чего собравшиеся депутаты пришли к общему мнению — быть войне, и для ее продолжения они дружно проголосовали за выделение средств на наемников-жолнеров. «*Поголовицина*» с каждой крестьянской души мужеска и женска пола, стара и млада, должна была составить один грош, два гроша с бояр и один золотой (*florenum*) с каждого урядника и вельможи¹⁴¹.

Однако от принятия решения до сбора денег и их доставки в Вильно прошло еще несколько недель, прежде чем 10 апреля 1514 г. Сигизмунд отправил коронному подскарбию (казначею) А. Костелецкому письмо со списком из двенадцати ротмистров, которым было поручено набрать в кратчайшие сроки 2230 всадников, и двенадцати же ротмистров, под началом некоего Я. Спергальдта, которые должны были набрать две тысячи пехотинцев-драбов¹⁴². Таким образом, фактически

количество нанимаемых «*служебных*» было практически уполовинено. При этом только 29 апреля 1514 г. ротмистры конных и пеших рот получили на руки реальные деньги¹⁴³. Прошло еще две недели, и 13 мая 1514 г. Сигизмунд поручил коронному надворному гетману Я. Свирчовскому, старосте теребовльскому и ропчицкому, который должен был возглавить весь наемный корпус в кампании 1514 г., набрать еще две тысячи конных и две тысячи пеших «*служебных*». Да и то, спустя неделю, судя по письму Сигизмунда Костелецкому, эти четыре тысячи дополнительных «*служебных*» из-за отсутствия необходимых средств были сокращены до 1,6 тысяч конных в восьми ротах и тысячи пеших в пяти ротах¹⁴⁴.

Увы, все это означало, что наемные роты — прекрасный, кстати, человеческий материал, — на фронт в нужном количестве к началу кампании явно не успевают. Так, вторая партия наемников ожидалась в Бресте только к 29 июня¹⁴⁵. Оттуда до Смоленска было еще более 600 верст пешего марша — без малого месяц пути, тем более что сам их переход на театр военных действий нужно было еще организовать. Между тем Сигизмунд только 26 мая 1514 г. утвердил расценки, по которым жолнеры Свирчовского должны были покупать провиант, а «*силоу не брати и не халупить*» его¹⁴⁶. Понимая всю сложность этого мероприятия, Сигизмунд и пань-рады заранее решили подстраховаться и созвать посполитое рушение. В преддверии новой кампании король и великий князь дважды отправлял письма «*наместникомъ нашимъ и тивономъ по дворомъ нашимъ... и кнеземъ, и паномъ, и кнегинямъ, и паням вдовамъ, и бояром, и дворяном нашим, и всим тым подьданым нашимъ, ... и слугам путънымъ...*» о том, чтобы они «*есте были поготову на службу нашу, на воину, и держали кони сытыми и зброи чисты*» и ждали вести «*на которой рокъ а котором местыцу бытии, ажбы есте конно а зброино там на тот рокъ были*»¹⁴⁷. Однако рассылка «*листов*» о мобилизации откладывалась до получения вестей о начале неприятельского наступления. В итоге соответствующие письма были отправлены только 24 мая 1514 г., спустя неделю после того, как московские полки «*облегли*» Смоленск, а собраться посполитое рушение планировало в Минске спустя месяц, на день св. Яна, и туда же должен был прибыть из Бреста первый эшелон жолнеров¹⁴⁸. Увы, это было слишком поздно для того, чтобы помешать московским

полкам снова осадить Смоленск, подвергнуть его новой бомбардировке и связанными с ней испытаниям. В результате к началу кампании в распоряжении короля оказалось всего лишь около пяти сотен драбов под началом Я. Спергальдта — слишком мало, чтобы противостоять замыслам «московского»¹⁴⁹.

К началу кампании развеялась и последняя надежда Сигизмунда. Его союзник крымский «царь» Менгли-Гирей, который вроде бы изъявил желание выступить в поход против Василия III, пообещав своему «брату», что он сам со своими сыновьями *«со всеми детьми и со всеми внучатами, и з уланы, князи и мурзами, и все великое мое войско... коли будет потреб на князя московского, маем послати Жикгимонту, королю, брату нашему на помоч»*¹⁵⁰, на деле занял выжидательную позицию. В итоге 26 мая 1514 г. великий князь литовский с горечью писал остринскому наместнику С. Скиндеру, что *«от тыхъ часовъ (предыдущих посланий к Менгли-Гирею. — В.П., Т.П.) и до сихъ местъ от царя, брата нашего, жадного гонца есмо не видели»* и признаков того, что хан выполнит свое обещание¹⁵¹. Одним словом, несмотря на попытки учесть печальный опыт предыдущих лет войны, новая кампания началась как обычно — Литва снова оказалась не готова к наступлению москвитов.

Пока Сигизмунд пытался героическими усилиями преодолеть организационную немочь литовских властей, Василий III не терял времени даром. Сопоставив данные русских источников, прежде всего летописей и разрядных книг, и наложив на полученную информацию сведения с «той» стороны, попытаемся реконструировать картину развертывания русских полков в первые недели кампании 1514 г. Итак, после того, как московские государь и бояре приговорили о начале третьего похода на Смоленск, на места были разосланы гонцы с требованием служилым людям выступать к назначенным местам сбора. Февраль, март и апрель ушли на сбор войска и *«наряда»*, создание запасов провианта, фуража и амуниции. Когда к концу апреля эта сложная работа была в целом завершена, после весеннего Юрьева дня (23 апреля) воеводы, назначенные в полки, собравшиеся под Дорогобужем, отправились к месту службы. Возможно, это состоялось 30 апреля. Тогда же в Новгород поскакал гонец с указом тамошнему наместнику князю В. В. Шуйскому выступать со всею своею *«силою»* в Великие Луки.

В начале мая 1514 г. московская «*лехкая*» рать, составленная из Передового полка и «*резвых людей*» полков Большого и Левого руки, предположительно насчитывавшая тысячу всадников, выступила к Смоленску¹⁵². От Дорогобужа до Смоленска, согласно «Книге Большому Чертежу», 80 верст¹⁵³. Двигаясь с обычной скоростью 25–30 верст в сутки, «*лехкая*» рать достигла бы Смоленска самое большее за три дня. Следовательно, из Дорогобужа она выступила примерно 11–12 мая 1514 г. и тогда подошла к Смоленску 16 мая, что было зафиксировано в западнорусских летописях и в переписке епископа перемышльского П. Томицкого¹⁵⁴. В ходе последовавших в окрестностях города стычек смолянами были взяты пленные. Они показали на допросе, что их отряд — лишь авангард большой русской рати, а за ними следом идет князь Даниил Щеня, *supremum campiductor* московского великого князя, с немногочисленной артиллерией. Но и это еще не все — по словам «языков», сам великий князь Московский намерен прибыть под Смоленск с огромнейшим войском («*validissimo exercito*») и взять город¹⁵⁵.

Получив эти известия, Сигизмунд понял, что Василий снова, как и в предыдущие годы, его опередил. Наемники из числа тех, которых успели набрать к концу апреля, все еще находились на марше. Один лишь «*дворянин Его Королевской Милости*» Спергальдт со своими людьми был под рукой — очевидно, что он и его жолнеры получили деньги в Кракове еще в начале апреля, раз они в 20-х числах мая 1514 г. находились, скорее всего, в Минске. Его и отправили спешно на усиление гарнизона Смоленска¹⁵⁶. При этом ротмистр получил и другой приказ — если не выйдет прорваться в осажденный город, то засесть в Орше, не допуская продвижения неприятеля дальше¹⁵⁷. Сам же Сигизмунд развивает лихорадочную деятельность, пытаясь наверстать упущенное. 24 мая по поветам были разосланы «*листы*» с объявлением мобилизации с указанием времени и места сбора посполитого ружения и с угрозой, что если «*хто бы службы наше и року умешкаль, тогда тот мел тымъ каранъ бытии шиями и имени...*»¹⁵⁸. 26 мая Сигизмунд отправляет гонца с письмами к Менгли-Гирею и его старшему сыну и наследнику-калге Мухаммед-Гирею с просьбою и напоминанием, чтобы хан «*велелъ без мешканья сыном своим и воиску своему на кон всисти и тягнути просто в землю того нашего неприятеля,*

великого князя московского» во исполнение своих обещаний и клятв¹⁵⁹. Забегая вперед, отметим, что этот крик о помощи не возымел должного действия. Менгли-Гирей не стал торопиться *«всисти на кон»*, даже получив в начале июня 1514 г. от Сигизмунда письмо, в котором король спешил сообщить своему *«брату»* радостную весть о том, что Спергальдт со своими жолнерами *«с тыми людѣми неприятеля нашего московского битву мели, и ласкою Божою две тысячи москвичѣ наголову поразили, и трехъ его воеводѣ убили»*, а еще одного знатного москвича взяли в плен¹⁶⁰. Свое нежелание немедленно впрягаться в войну с *«московским»* хан мотивировал тем, что де ногаи *«до нас кочюють. А мовять: з Менѣдли Кгиреемъ, царемъ, переводаемъ ся...»*, посему он, крымский царь, *«уседѣши на конѣ свои, против их поехали есмо...»*. Одним словом, завершал свое послание хан, *«Боже, даи, абыхмо и мы надѣ неприятелемъ своимъ зыскали, а потом на вашего неприятеля деле станемъ, такъ ведаите...»*¹⁶¹.

Прочитав это, великий князь литовский понял, что и крымский царь подвел своего брата. Все надежды короля были теперь только на то, что смоляне останутся ему верными и отразят новое наступление московитов. Тем более, что в начале апреля 1514 г. сюзерен пожаловал горожан новым привилеем, а они присягнули ему на верность вместе с новым воеводой¹⁶². Оставалось только ждать и собирать понемногу войско, с которым можно было бы попытаться снять осаду со Смоленска. Инициативой полностью владел Василий III, и его планы вовсе не переменялись от того, что под Оршей малочисленный русский *«загон»*, насчитывавший несколько сот человек, был разбит жолнерами Спергальдта. В первых числах июня или к середине этого месяца, — если понимать летописную фразу о том, что Василий II выступил из Москвы 8 июня 1514 г., послав *«наперед себя»* дорогобужскую рать, как указание на то, что приказ на ее выдвижение был отправлен из столицы 7 или 8 июня, — к Смоленску подступил сам *supremum campiductor* боярин князь Д. В. Щеня со товарищи. Соединившись с *«лехкой»* ратью, они *«город облегли»*, посады у него *«отняли»* и *«туры поставиша»*, ожидая самого великого князя с *«нарядом»*. Видимо, тогда же князь М. А. Глинский вступил в тайные пересылки со своими доброхотами в Смоленске и, возможно, завязал переписку с командирами смоленских жолнеров на предмет условий, на которых смоляне могли бы

капитулировать. Если верить С. Герберштейну, у Глинского был неплохой мотив для этого — великий князь пообещал сделать его смоленским удельным князем, если он уговорит город *«задаться за него»*¹⁶³.

Сам Василий III, как уже не раз отмечалось выше, покинул Москву 8 июня 1514 г., завершив переговоры с послом султана Селима I. Оставив «на хозяйстве» в столице своего зятя татарского *«царевича»* Петра Ибрагимовича и брата Андрея, да с ними *«бояр и приказных людей и детей боярских»*, великий князь взял с собой свой двор, братьев Юрия и Семена с их дворами, а также, надо полагать, не только *«казенных пищальников»* и *«наряд»*, но и татар¹⁶⁴. До Дорогобужа из Москвы нужно было пройти 250 верст, так что великому князю и его рати с тяжелым обозом потребовалось бы для этого порядка трех недель, и еще не меньше недели для того, чтобы добраться из Дорогобужа до Смоленска¹⁶⁵. Поэтому в Дорогобуже Василий III должен был оказаться в последних числах июня 1514 г., а под Смоленском — не позднее 10 июля.

В Дорогобуж Василий намеревался явиться не один, а с подмогою, убедившись в том, что Менгли-Гирей не собирается оказывать реальную помощь своему литовскому брату. Об этом Василию могли донести московские доброхоты в Крыму, а кроме того, великий князь получил от османского посла надежные заверения в том, что крымский *«царь»* будет придерживаться нейтралитета. Государь отозвал к себе часть сил из-под Тулы под началом четырех воевод и часть своего двора (600–800 всадников под командой четырех голов), всего около 1,5–2 тысяч отборных *«сабель»*. Встреча с ними должна была состояться все в том же Дорогобуже¹⁶⁶. Этой группе предстояло совершить долгий марш протяженностью порядка 400 верст. Однако, поскольку они шли налегке, без громоздкого обоза, то, с учетом времени, которое требовалось гонцу из Москвы для преодоления 160 верст, отделявших Тулу от столицы, под Дорогобужем *«туляне»* могли сосредоточиться самое позднее через две недели, в начале третьей декады июня 1514 г. Так что у них еще осталось бы несколько дней для отдыха и приведения себя в порядок¹⁶⁷.

Сняв часть войск с южного направления, Василий III все же не решился полностью оголить этот участок и на всякий случай, если крымцы вдруг проявят ненужную активность, приказал своему брату Дмитрию Жилке со всеми его людьми выдвинуться в Серпухов, перекрыв тамошние *«перелазы»* через Оку и подстраховав тульскую

группировку¹⁶⁸. Наконец, 7 июня 1514 г. в Великие Луки поскакал гонец с наказом князю Шуйскому и «иным воеводам многим со многими людьми идти в Литовскую землю на Дрютские поля (в районе городка Друцк, к западу от Орши. — В.П., Т.П.), беречи от короля своего дела»¹⁶⁹.

Выдвижение Василия к Смоленску было долгим и заняло около месяца¹⁷⁰. Собственно говоря, именно с этого момента началась настоящая осада города русскими войсками. Видимо, именно это имел ввиду С. Гурский, когда писал о том, что «Московит», не сумев сломить сопротивление гарнизона Смоленска «военными машинами и огненными ядрами (*tormentis bellicis globisque ignitis*)», опустошил его окрестности, а затем снова вернулся к осаде города¹⁷¹. В том, что Василий III и его воеводы сполна использовали свое преимущество в артиллерии и подвергли Смоленск длительной мощной бомбардировке, сходятся все — и русские летописцы, и польские хронисты. Так, неизвестный автор Софийской второй летописи сообщал, что государь, подступив к городу, «пушки и пищали около города велел уставити и приступ ко граду хотел учинити, ис пушек и ис пищалей велел бил по городу и в город бити». Иоасафовская летопись дополняет эту картину новыми красками: «И повеле (Василий III. — В.П., Т.П.) около града пушки и пищали изставити, и по граду бити со всех стран, и приступы великие чинити, и из огненных пушек повеле во град стреляти. Яко от пушечного и пищального стуку и людского кричания и вопля, тако же и от градских людей супротивнаго бою пушек и пищалеи земле колебаться и друг друга не видети, ни слышати, и весь град в пламени и курении дыма мняшеся воздыматися ему...»¹⁷². Польские источники сообщают, что деятельную помощь воеводам Василия III во время этой осады города оказывали иностранные, итальянские и немецкие, специалисты-инженеры¹⁷³. Об одном из них, артиллерийских дел мастере Степане (Стефане), возможно руководившим бомбардировкой, сообщает Архангелогородский летописец¹⁷⁴.

Гарнизон Смоленска и сами смоляне, звавшие о том, что король собирает армию и 24 июня будет готов выступить на помощь осажденным, на первых порах стойко выдерживали обстрел и приступы, благо мощные деревоземляные укрепления города с трудом поддавались воздействию каменных ядер московской артиллерии, а урон, наносимый ими, немедленно исправлялся осажденными¹⁷⁵. Однако время

шло, помощь все не прибывала, тогда как никаких признаков того, что решимость Василия III на этот раз овладеть Смоленском слабеет, не было. Напротив, бомбардировка продолжалась, и на фоне непрекращающегося гула московской артиллерии проникновенные слова князя М. Глинского о необходимости сдачи московскому государю становились все более и более убедительными.

Степень значимости в падении Смоленска князя-перебежчика, который «*отъехал*» на службу Василию III после ликвидации поднятого им в 1508 г. мятежа, существенно разнится в зависимости от того, с какой стороны было сделано описание осады. В русских летописях его роль как главного виновника «*смоленского взятия*» вообще никак не просматривается. В лучшем случае, как, например, в Иоасафовской летописи, он упоминается в числе государевых воевод, отправившихся добывать «*град Смоленск*»¹⁷⁶. То же самое относится и к разрядным записям. Совсем не так выглядит картина, если исходить из немецких и польских источников. Уже в сентябре 1514 г. мемельский комтур, получив известия от своих осведомителей о событиях лета 1514 г., отписывал магистру в Кенигсберг о том, что «*Herczog Michell*» с тысячью всадников прибыл под Смоленск на Петров день (29 июня) и своими речами содействовал взятию города¹⁷⁷. Вслед за комтуром и С. Герберштейн также обвиняет Глинского в том, что он организовал сдачу Смоленска, подкупив смоленских «*militiaeque praefectos*». Далее имперский дипломат добавлял, что великий князь приобрел Смоленск не столько благодаря своим ратям, сколько «*искусству этого мужа*», который «*одним своим присутствием отнял у воинов, оборонявших [крепость] всякую надежду защитить город, и запугиванием, и посулами склонив их к сдаче...*». В другом же месте своих записок Герберштейн называет и непосредственного виновника капитуляции Смоленска — некоего чешского (*Bohemi*) ротмистра¹⁷⁸. В один голос полагают Глинского главным виновником сдачи города польские и литовские хронисты¹⁷⁹. Да и сам Сигизмунд, отписывая 30 июля 1514 г. королю венгерскому и чешскому Владиславу, деланно возмущался тем, что Смоленск, обильно снабженный всем необходимым для того, чтобы выдержать очередную осаду, тем не менее, сложил оружие и открыл ворота из-за измены наемников и местного нобилитета¹⁸⁰.

Безусловно, М. Глинский, мечтая стать смоленским князем, приложил максимум усилий и постарался в своих речах быть как можно более убедительным, чтобы уговорить смолян перейти на сторону Василия III. Но вместе с тем, даже апологетически настроенный по отношению к Сигизмунду Й. Деций отмечал, что они склонились к предложениям Глинского принять власть московского государя только после того, как убедились — помощи от Сигизмунда ждать в скором времени не приходится¹⁸¹. В конце концов, стратегия Василия III, нацеленная на истощение сил обороняющихся, рано или поздно должна была дать свой результат, запас прочности у смолян был на исходе. И вот в 20-х числах июля 1514 г. *«граждане» «начаша възпити и кликати, чтобы князь великий государь пожаловал меч свой унял, а бою престати повелел, а они государю хотят бити челом и град подати...»*¹⁸².

Василий, естественно, обрадовался этим новостям, обещавшим скорое завершение порядком затянувшейся и поднадоевшей «смоленской истории». К великому князю непрерывным потоком поступали сведения о том, что Сигизмунд пусть и медленно, но все же собирается с силами, а его люди местами переходят в контратаки и одерживают пусть и мелкие, но все же победы над отдельными отрядами москвитов¹⁸³. Чтобы смоленский епископ Варсонофий и смоляне, выславшие на переговоры смоленского боярина М. Пивова, были посговорчивее и не слишком упорствовали, а слова великокняжеских представителей, сына боярского И. Ю. Шигоны Поджегина и дьяка И. Телешова, выглядели на переговорах более весомыми, Василий приказал Стефану еще раз продемонстрировать мощь московской артиллерии. Автор Архангелогородского летописца, явно со слов очевидца или участника тех событий, писал, что *«повеле князь велики пушкарю Стефану пушками город бити июля в 29 день, в субботу, на 3-м часу дни (в восьмом часу утра. — В.П., Т.П.), из-за Днепра. И удары по городу болюе пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженой ударити, и их пушку разорвало, и много в городе в Смоленску людеи побило»*. Перезарядив «болюе пушку», на что ушло без малого три часа, Стефан повторил свой опыт, *«много мелких ядер собра, и окова свинцем, и удары в други. И того боле в городе людеи побило»*. После третьего выстрела из бомбарды, которую, похоже, только к концу июля доставили на позиции под Смоленском, *«видя владыка, и воивода*

градной (возможно, Михаил Бася¹⁸⁴. — В.П., Т.П.), и пан Юрье Солоусовичь *изнеможение градное и пагубу, и выиде из Смоленска на мост и нача бити челом великому князю, прося срока до завтрая*», но Василий своего согласия не дал и приказал возобновить бомбардировку — он почувствовал слабость и колебания смолян и решил ковать железо, пока оно горячо¹⁸⁵.

Возобновление бомбардировки ускорило принятие смоленскими верхами решения о капитуляции. 30 июля 1514 г., согласно сведениям С. Гурского¹⁸⁶, М. Пивов *«от владыки Варсунофья, и от князеи, и от боар, а мещан и от мещан и от черных людей били челом с великим молением, чтобы велики государь пожаловал владыку Варсуновия и князеи, и бояр смоленских, также и мещан и черных людей, гнев свои государь на них утолил, и вины им отдал, что они противу его, государя, стояли...»*¹⁸⁷.

Обрадованный великий государь в ответ на такое «великое моление» изволил пожаловать смолян, продиктовав им условия капитуляции. Город принимал московского наместника, которым был назначен боярин князь В.В. Шуйский. Королевский наместник, воевода пана Ю. Сологуб, и все те, кто не хотел служить московскому государю, отпускались на волю. Их великий князь, по словам летописца, *«отпустил к королю и проводить их велел до Ориши»*. Остальные же, в том числе *«гетманы жолнерскыя и желныри»*, *«били челом государю, чтобы государь их пожаловал, похотел их службы»*. На следующий день, 31 июля, *«выехаша из града Смоленьска к великому князю к шатром многие князи и бояре смоленские очи великого князя видети и крест государю великому князю перед бояры целовати»*, присягая на верность Василию III. Одновременно с этим в Смоленск отправился воевода князь Д.В. Щеня со *«многими воеводами и многими людми»* приводить к присяге смолян — *«князеи и бояр смоленских, и мещан, и всех черных людей»*¹⁸⁸. Смоленская эпопея подходила к закономерному концу. В самом деле, смоляне, продемонстрировав достаточную стойкость и верность своему государю, трижды отразив приступы московских полков, вправе были ожидать от Сигизмунда помощи не только на словах, но и на деле. Не получив же ее, смоленская верхушка сочла себя свободной от обязательств перед своим сюзереном и решила попытаться спасти то, что еще можно, благо московский государь

не скупился на обещания и действительно готов был «жаловать» смолян по их «старине».

И вот 1 августа 1514 г. свершилось событие, которого ждал, но так и не дождался Иван III: «*князь велики Василей Иванович, всея Руси государь, с своею братьею и з бояры, со многими людьми своими, во град Смоленск поеха, и вѣстретили его с кресты из града владыка смоленский Варсонофеи со архимандриты и со игумены, и со всеми священники, такоже князи и бояре, и мещане, и черные люди, и весь народ града Смоленска вѣстретиша государя великого князя со мною любовью...*». Торжественный молебен и обедня в «*святеи соборнеи церкви Пречистей богородици честнаго и славнаго ея Успения*» завершили торжество обретения государем всея Руси своей «*вотчины*»¹⁸⁹.

Успех, одержанный Василием III в эти летние дни, стал самым большим на западном, «литовском», направлении его политики за все годы его правления. Хотя война со взятием Смоленска не прекратилась и длилась еще без малого 8 лет, а впереди были несчастная для русских битва под Оршей 8 сентября 1514 г., после которой литовцы попытались было вернуть Смоленск, рассчитывая на «пятую колонну» внутри города, и неудачная экспедиция королевской армии под Опочку в 1517 г., и столь же неудачная попытка «*силы новгородской и исконской*» овладеть Полоцком в следующем году, и взаимные набеги с опустошением пограничных территорий, — главная цель ее была достигнута. Смоленск и смоленская земля вошли в состав Русского государства.

Ссылки

¹ Мальцев В.П. «Ключ государства Московского» // Исторические записки. — М., 1940. — Вып. 8. — С. 73.

² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. (годы с 1487 по 1533) // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее — СБРИО). — СПб., 1882. — Т. 35. — С. 460.

³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 2 (годы с 1533 по 1560) // СБРИО. — СПб., 1887. — Т. 59. — С. 576.

⁴ См., напр.: Горский А.А. Русские земли в XIII — XIV вв.: пути политического развития. — М., 1996. — С. 19.

⁵ Там же. — С. 70.

⁶ Там же. — С. 66–67.

⁷ Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV в. — Киев, 1895. — С. 326–327.

⁸ Там же. — С. 334.

⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. — М., 2010. — С. 195.

¹⁰ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. — М., 1892. — С. 287.

¹¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I. — С. 107.

¹² Летописный свод 1497 г. // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). — М. — Л., 1983. — Т. 28. — С. 157; Разрядная книга (далее — РК) 1475–1598. — М., 1966. — С. 22.

¹³ Свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРА. — Т. 28. — С. 323.

¹⁴ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494. — М., 2013. — С. 68.

¹⁵ РК 1475–1605. — М., 1977. — Т. I. — Ч. I. — С. 30–31.

¹⁶ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — С. 207–209.

¹⁷ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2007. — С. 426–430.

¹⁸ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494. — С. 68, 72–74.

¹⁹ Пенской В. В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 10. — С. 73–79.

²⁰ Кашпровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. — Нежин, 1899. — Т. II. — С. 173–344.

²¹ Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. — М., 1972. — С. 150–163. Также можно упомянуть серию статей А. Б. Кузнецова, среди которых выделяется следующая его работа, не лишенная, впрочем, досадных неточностей: Кузнецов А. Б. Борьба Русского государства за Смоленск и его освобождение в 1514 г. // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. Вып. XXX). — Саранск, 1966. — С. 148–159.

²² См., напр.: Волков В. А. Войны и войска Московского государства. — М., 2004. — С. 53–57; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. — М., 2010. — С. 213–220; Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. К 500-летию сражения. — СПб., 2011. — С. 43–81; Он же. Три осады Смоленска // Родина. — 2013. — № 9. — С. 23–25. Из последних работ, посвященных взятию Смоленска, см. также: Михайлова И. Б. К вопросу о «Смоленском взятии» 1514 г. // Петербургские славянские и балканские исследования / *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — 2011. — № 2(10). — С. 41–54.

²³ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. — М., 1960. — С. 33, 35.

²⁴ Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. — М., 2005. — С. 79.

²⁵ Там же. — С. 81–82.

²⁶ См.: Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга (далее — ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901. — С. 31–32, 47–56; РК 1475–1598 гг. — С. 34, 47–54; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 69–70, 124–128, 132–139, 141.

²⁷ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. — М., 2001. — Т. VI. — Вып. 2. — Стб. 369. Ср.: Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. — М., 2006. — Т. XXVI. — С. 296; Ермолинская летопись // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. XXIII. — С. 197; Иоасафовская летопись. — М., 1957. — С. 144; Львовская летопись // ПСРЛ. — М., 2005. — Т. XX. — С. 373; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XII. — С. 257; Русский Хронограф // ПСРЛ. — М., 2005. — С. 515; Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. — СПб., 1913. — Ч. II. — С. 576.

²⁸ См., напр.: Вологодская летопись // ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 173; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. — М., 2001. — Т. VIII. — С. 242; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XII. — С. 256.

²⁹ Типографская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XXIV. — С. 214–215.

³⁰ См.: Иоасафовская летопись. — М., 1957. — С. 161–164; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. — М., 2001. — Т. VIII. — С. 255–256; Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. V. — Вып. 1. — С. 97–98; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. V. — Вып. 2. — С. 259–260; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. — М., 2001. — Т. VI. — Вып. 2. — Стб. 395–396, 399–402; Устюжские и вологодские летописи XVI — XVIII вв. // ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 52–53 и др.

³¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией // СБРИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 423–425, 433, 434, 439, 451, 452, 453–454, 461, 532. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. — СПб., 1882. — Т. 35. — С. 335.

³² Kronika Polska Marcina Bielskiego. — Warszawa, 1830. — P. 71; Kronika Polska Marcina Kromera. — Krakow, 1882. — T. II. — P. 1355–1356; Mathias de Mechovia. Chronica Polonorum. — Cracoviae, 1521. — P. CCCLXIV; Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi Macieja Strykowskiego. — Warszawa, 1846. — T. II. — P. 317; Cronicorum Bernardi Vapovii // Scriptores rerum polonicarum. — Cracoviae, 1874. — T. II. — P. 50–51.

³³ См.: Западнорусские летописи. Список Быховца // ПСРЛ. — М., 2008. — Т. XVII. — Стб. 562.

³⁴ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. (1501–1506) // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. — Cracoviae, 1927. — T. XIX. — P. 99–102, 124, 128, 140, 152, 157, 162, 165.

³⁵ См., напр.: Евреиновская летопись // ПСРЛ. — М., 1980. — Т. XXXV. — С. 234; Западнорусские летописи. Список Археологического общества // ПСРЛ. — М., 2008. — Т. XVII. — Стб. 289–290; Западнорусские летописи. Список гр. Рачинского // ПСРЛ. — М., 2008. — Т. XVII. — Стб. 346–347; Хроника литовская и жмойтская // ПСРЛ. — М., 1975. — Т. XXXII. — С. 104; Kronika Marcina Bielskiego. — Sanok, 1856. — T. II. — S. 970–971; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi. — S. 374–375.

³⁶ См., напр.: Acta Tomiciana (далее — АТ). — Posnaniae, 1853. — T. III. — S. 70; Lietuvos Metrika (далее — LM). — Vilnius, 2011. — Кн. 7. — P. 1506–1539.

³⁷ Западнорусские летописи. Список Быховца. — Стб. 558.

³⁸ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 239.

³⁹ Там же. — С. 239.

⁴⁰ О сражении на Ведроши см., напр.: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 384–392; Казаков О.О. Битва на річці Ведроші 14 липня 1500 р. // Український Історичний журнал. — 1998. — № 5. — С. 52–63.

⁴¹ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 73, 75.

⁴² См., напр.: Западнорусские летописи. Список Быховца. — Стб. 560–561.

⁴³ Сапожников Н.В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. — М., 1991. — С. 56.

⁴⁴ Иоасафовская летопись. — С. 161. Ср., напр.: Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 325.

⁴⁵ Меховской М. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховской. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов. — Рязань, 2009. — С. 108.

⁴⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 325.

⁴⁷ АТ. — Т. III. — Р. 2.

⁴⁸ Рябинин Н. Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1906. — Кн. 3. V. Смесь. — С. 6.

⁴⁹ Акты исторические. — СПб., 1841. — Т. II. — С. 416.

⁵⁰ Сапожников Н. В. Оборонительные сооружения Смоленска. — С. 57.

⁵¹ Иоасафовская летопись. — С. 194; Рябинин Н. Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году). — С. 6.

⁵² Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — С. 208.

⁵³ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). — СПб., 1846. — Т. I. 1340–1506. — С. 216.

⁵⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I // СБРИО. — СПб., 1884. — Т. 41. — С. 338.

⁵⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 383.

⁵⁶ Там же. — С. 384.

⁵⁷ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — С. 426–427.

⁵⁸ О походах магистра см.: Бессуднова М. Б. Походы магистра Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. — Псков, 2007. — С. 157–185.

⁵⁹ Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc. — Р. 100.

⁶⁰ Ibid. — Р. 124.

⁶¹ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. — Л., 1975. — С. 231.

⁶² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 414, 419.

⁶³ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* — P. 100.

⁶⁴ В начале 1503 г., т.е. вскоре после снятия осады, в Смоленске стояли гарнизоном всего лишь 7 пеших наемных рот общей численностью по спискам 803 пехотинца и 27 всадников (См.: Бохан Ю. М. Наёмнае войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стст. — Мінск, 2004. — С. 14). О 800 наемниках смоленского гарнизона и местной шляхте писал и польский историк Т. Коржон (*Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce.* — *Lwów-Warszawa-Kraków*, 1923. — Т. I. — P. 253).

⁶⁵ *Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce.* — P. 253.

⁶⁶ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* — P. 101–102.

⁶⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 419.

⁶⁸ Там же. — С. 420.

⁶⁹ Софийская вторая летопись. — Стб. 368; Список Быховца. — Стб. 562; Типографская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XXIV. — С. 214; Т. 37. — С. 173.

⁷⁰ Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. — С. 31–32; Разрядная книга 1475–1598 гг. — С. 34; Разрядная книга 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 69–70.

⁷¹ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* — P. 124.

⁷² Типографская летопись. — С. 215.

⁷³ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* — P. 128.

⁷⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 439, 461.

⁷⁵ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* — P. 140.

⁷⁶ Западнорусские летописи. — Стб. 562.

⁷⁷ АЗР. — Т. I. — С. 347.

⁷⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. — Т. I. — С. 335.

⁷⁹ Там же. — С. 335.

⁸⁰ РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 72.

⁸¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 433, 452.

⁸² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 432, 452.

⁸³ Там же. — С. 469.

⁸⁴ *Acta Alexandri, regis Poloniae, magni ducis Lithuaniae etc.* — Р. 165.

⁸⁵ См.: Гневашев Д. Е. Вологодский служилый «город» в XV — начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. А. В. Черепнина. — М., 2010. — С. 680.

⁸⁶ Ср.: *Kronika Polska Marcina Kromera.* — Т. II. — Р. 1355–1356.

⁸⁷ *Ibid.* — Р. 153.

⁸⁸ Типографская летопись. — С. 214–215; Устюжские и вологодские летописи XVI — XVIII вв. — С. 173.

⁸⁹ Софийская вторая летопись. — Стб. 369.

⁹⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 439, 454.

⁹¹ Типографская летопись. — С. 215.

⁹² См.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М., 1952. — С. 440; Зимин А. А. Россия на рубеже XV — XVI столетий. — С. 192; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — С. 209.

⁹³ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582) // Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. — Рязань, 2005. — С. 89.

⁹⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. — Т. I. — С. 439.

⁹⁵ История о Казанском царстве // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XIX. — Стб. 24–25; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 244–245.

⁹⁶ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 246.

⁹⁷ *LM. Kn. 8 (1499–1514).* — Vilnius, 1995. — Р. 56.

⁹⁸ *Ibid.* — Р. 79–80.

⁹⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. — Т. I. (с 1487–1533 год). — С. 483.

¹⁰⁰ РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 95–96.

¹⁰¹ Там же. — С. 101.

¹⁰² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. — Т. I. (с 1487–1533 год). — С. 488–490.

¹⁰³ Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. — М., 1972. — С. 145–150.

¹⁰⁴ Софийская вторая летопись. — Стб. 395.

¹⁰⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. — Т. I. — С. 499.

¹⁰⁶ ДРК. — С. 47–50; Кашпровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522). — С. 212; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 253; Псковская 1-я летопись. — С. 97.

¹⁰⁷ Псковская 1-я летопись. — С. 97.

¹⁰⁸ АТ. — Posnaniae, 1852. — Т. II. — Р. 157.

¹⁰⁹ Рябинин И. Новое известие о Литве и москвитях (К истории второй осады Смоленска в 1513 году) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. — 1906. — Кн. 3. Смесь. — С. 5.

¹¹⁰ Иоасафовская летопись. — С. 161, 193; Софийская вторая летопись. — Стб. 395.

¹¹¹ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 79.

¹¹² АТ. — Posnaniae, 1852. — Т. II. — Р. 142; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka I wszyskiej Rusi. — Т. II. — Р. 373.

¹¹³ ДРК. — С. 52–53; Иоасафовская летопись. — С. 161; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 133–134; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 253; Софийская вторая летопись. — Стб. 396.

¹¹⁴ Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 1. Книга записей. Т. 1 // Русская историческая библиотека. — СПб., 1901. — Т. XXVII. — Стб. 477–508; Бохан Ю. М. Наёмные войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI ст. — Мінск, 2004. — С. 14.

¹¹⁵ Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 253.

¹¹⁶ Рябинин И. Новое известие о Литве и москвитях (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). — С. 5.

¹¹⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 245.

¹¹⁸ Рябинин И. Новое известие о Литве и москвитях (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). — С. 6.

¹¹⁹ Иоасафовская летопись. — С. 193.

¹²⁰ РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 133.

¹²¹ Иоасафовская летопись. — С. 194; Рябинин И. Новое известие о Литве и москвичах (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). — С. 5.

¹²² Иоасафовская летопись. — С. 194; Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 253; Рябинин И. Новое известие о Литве и москвичах (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). — С. 6.

¹²³ Рябинин И. Новое известие о Литве и москвичах (К истории второй осады Смоленска в 1513 году). — С. 6.

¹²⁴ Псковская 1-я летопись. — С. 97.

¹²⁵ АТ. — Т. II. — Р. 259.

¹²⁶ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. IV. — Ч. 1. — С. 462; Псковская 1-я летопись. — С. 97; Софийская вторая летопись. — Стб. 396.

¹²⁷ Рябинин И. Новое известие о Литве и Москвичах (К истории второй осады Смоленска в 1512 году). — С. 6.

¹²⁸ Редкие источники по истории России. — М., 1977. — Вып. II. — С. 172.

¹²⁹ РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 136.

¹³⁰ ДРК. — С. 54; РК 1475–1598. — С. 53; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 136–137.

¹³¹ ДРК. — С. 55; РК 1475–1598. — С. 54; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 139–140.

¹³² ДРК. — С. 56; РК 1475–1598. — С. 55; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 139.

¹³³ О численности пищальников «казенных», то есть находившихся на содержании великого князя и, таким образом, имевших полурегулярный характер, можно судить по тому, что согласно Псковской 3-й летописи, покидая в 1510 г. Псков, Василий оставил там 1000 «пищальников казенных», а С. Герберштейн писал, что в его бытность в Москве (первый раз он приезжал туда в 1517 г.) у великого князя было «почти полторы тысячи пехотинцев из литовцев и всякого сброда... (в оригинале «allerlay Nationen». — В.П., Т.П.)...» (Герберштейн С. Записки о Московии. — С. 244–245; Псковская 3-я летопись. — С. 258).

¹³⁴ О численности татарских «дворов» в сер. XVI в. см.: Беяков А.В. Чингисиды в России XV — XVI веков. — Рязань, 2011. — С. 195. Явно в Смоленском походе 1514 г. не могло участвовать больше служилых татар, чем в Полоцком походе 1562/1563 гг.

¹³⁵ LM. — Kn. 7. — P. 643–644.

¹³⁶ Ibid. — P. 294.

¹³⁷ Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 970.

¹³⁸ LM. — Kn. 7. — P. 642–643.

¹³⁹ AT. — Т. III. — P. 83.

¹⁴⁰ Ibid. — P. 45.

¹⁴¹ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. — М., 1900. — С. 198; AT. — Т. III. — P. 83.

¹⁴² AT. — Т. III. — P. 67.

¹⁴³ LM. — Kn. 7. — P. 642–643.

¹⁴⁴ AT. — Т. III. — P. 94, 99–100.

¹⁴⁵ Ibid. — P. 99.

¹⁴⁶ LM. — Kn. 7. — P. 644.

¹⁴⁷ Ibid. — P. 303.

¹⁴⁸ AT. — Т. III. — P. 71; LM. — Kn. 7. — P. 303–304.

¹⁴⁹ Boldyrew A. Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku. — Warszawa, 2011. — S. 72; Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. — Zabrze, 2011. — T.I. Lata 1500–1548. — S. 187.

¹⁵⁰ LM. — Kn. 7. — P. 289.

¹⁵¹ Ibid. — P. 290–291.

¹⁵² Состав рати можно определить, исходя из сообщения Иоасафовской летописи, разрядных записей и письма Сигизмунда крымскому хана от 31 мая 1514 г. В последнем Сигизмунд сообщает о победе над отрядом русских под Оршей, и среди убитых там воевод называет имя первого воеводы полка Лево́й руки А.И. Кураки Булгакова, который, «воскреснув» из мертвых, принял участие в битве под Оршей 8 сентября того же года. См.: Иоасафовская летопись. — С. 195; РК 1475–1598. — С. 54; LM. — Kn. 7. — P. 303.

¹⁵³ Книга Большому Чертежу (далее — КБЧ). — М. — Л., 1950. — С. 55, 99.

¹⁵⁴ См. также: Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszyskiej Rusi. — S. 374.

¹⁵⁵ АТ. — Т. III. — Р. 71.

¹⁵⁶ Из письма Сигизмунда Менгли-Гирею 31 мая 1514 г.: «А напередъ отправили есмо некоторую суму воиска нашего, которыи ж люди наши на Ръши положили ся...» (ЛМ. — Кн. 7. — Р. 303). См. также: Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. — S. 181–182; *Chronicorum Bernardi Wapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores Rerum Polonicarum.* — Cracoviae, 1874. — Т. II. — S. 115.

¹⁵⁷ АТ. — Т. III. — Р. 71–72; ЛМ. — Кн. 7. — Р. 303.

¹⁵⁸ ЛМ. — Кн. 7. — Р. 304.

¹⁵⁹ Ibid. — Р. 299.

¹⁶⁰ Ibid. — Р. 303. Пассаж о трех якобы убитых в стычке под Оршей московских воеводах и о пленном москвитине Ратае Иванове сыне Ширяеве, разобран А.Н. Лобиным. См.: Лобин А.Н. Битва под Оршей. — СПб., 2011.

¹⁶¹ Ibid. — Р. 309.

¹⁶² Текст привилея, см., напр.: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. — С. 261–263.

¹⁶³ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 81.

¹⁶⁴ См., напр.: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 255; Иоасафовская летопись. — С. 195; РК 1475–1598. — С. 54–55. По сообщению М. Бельского, русская осадная артиллерия под Смоленском насчитывала 300 стволов (*Kronika Marcina Bielskiego.* — Т. II. — S. 970). Видимо, эту цифру Бельский позаимствовал из хроники Й. Деция: *Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521.* — Krakow, 1901. — S. 71. На Деция прямо ссылается и М. Стрыйковский: *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi.* — Т. II. — S. 374. Скорее всего, это число преувеличено, но в том, что Василий для третьей осады города привел с собой мощный осадный парк, сомневаться не приходится.

¹⁶⁵ КБЧ. — С. 55.

¹⁶⁶ РК 1475–1598. — С. 55; РК 1475–1605. — Т. I. — Ч. I. — С. 138–139.

¹⁶⁷ КБЧ. — С. 55–56, 59.

¹⁶⁸ РК 1475–1598. — С. 54–55.

¹⁶⁹ Иоасафовская летопись. — С. 195. Любопытно, но именно там, на «Друцких полях», на Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) должна

была собраться литовская рать (LM. — Кн. 7. — Р. 298). Не следует ли из этого, что Василию III было известно о планах Сигизмунда?

¹⁷⁰ Воскресенская летопись. — С. 255.

¹⁷¹ АТ. — Т. III. — Р. 1. Обращает на себя использованный Гурским термин «ignitis» применительно к ядрам. Значит ли это, русские пушкари применили в ходе последней осады Смоленска каленые или иные зажигательные ядра, или же перед нами обычная книжная «фигура речи», вставленная для большего эмоционального эффекта?

¹⁷² Западнорусские летописи. Список графа Рачинского. — Стб. 346; Иоасафовская летопись. — С. 195; Софийская 2-я летопись. — Стб. 399. Ср.: Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 970; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — Т. II. — S. 374 и др.

¹⁷³ Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521. — S. 71.

¹⁷⁴ Архангелогородский летописец // ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 100.

¹⁷⁵ Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 970.

¹⁷⁶ Иоасафовская летопись. — С. 195.

¹⁷⁷ Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. — Petropoli, 1848. — С. 361.

¹⁷⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I. — С. 325, 469. Любопытно, что в списке ротмистров пеших рот, набранных Сигизмундом в 1513 г., есть некий Лада (См.: Boldyrew A. Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku. — S. 71.). Не был ли этот Лада тем чехом, который соблазнился щедрыми обещаниями Глинского?

¹⁷⁹ См., напр.: Западнорусские летописи. Список графа Рачинского. — Стб. 346; АТ. — Т. III. — Р. 2; Kronika Marcina Bielskiego. — Т. II. — S. 971; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. — Т. II. — S. 374–375; Chronicorum Bernardi Wapovii partem posteriorem 1480–1535. — S. 116.

¹⁸⁰ АТ. — Т. III. — Р. 154.

¹⁸¹ Jodoci Ludovici Decii. De Sigismundu Regis Temporibus Liber 1521. — S. 72.

¹⁸² Воскресенская летопись. — С. 255.

¹⁸³ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки // Памятники истории Восточной Европы. — М., — Варшава, 2002. — Т. VI. — С. 25–27, 207; АТ. — Т. III. — Р. 150.

¹⁸⁴ В привилее, выданном Сигизмундом I вдове Михаила Баси, он поименован «смоленским околничим», имеющим «отъчизъны» на Смоленщине, а из другой грамоты известно, что во время последней осады Смоленска он был смоленским хорунжим (ЛМ. — Кн. 7. — Р. 507, 643). Логичным было бы предположить, что именно он скрывается под именем «градного воеводы» русской летописи. О статусе хоружего в Великом княжестве Литовском см., напр.: Любавский М. К. Литовско-русский сейм. — М., 1900. — С. 476–479.

¹⁸⁵ Архангелогородский летописец. — С. 100.

¹⁸⁶ АТ. — Т. III. — Р. 2. Ср.: *Kronika Marcina Bielskiego*. — Т. II. — S. 971; Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi*. — Т. II. — S. 375.

¹⁸⁷ Иоасафовская летопись. — С. 195–196.

¹⁸⁸ Софийская летопись. — Стб. 400.

¹⁸⁹ Там же. — Стб. 400–401.